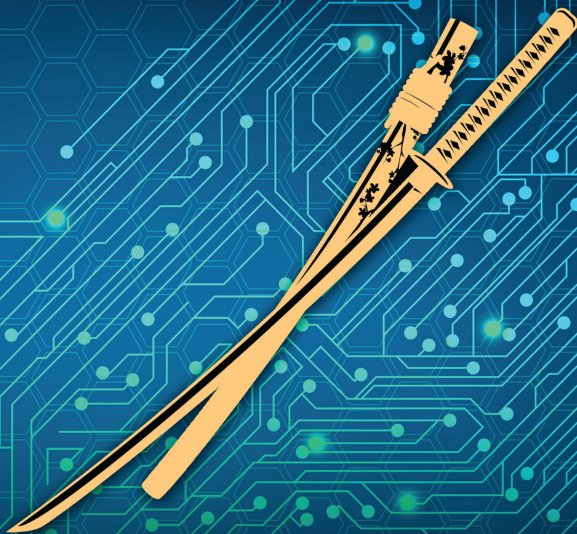

«100 ЛУЧШИХ РОМАНОВ ВСЕХ ВРЕМЕН» TIME

НИИ
СТИВЕНСОН

ПАВЛИНА

fan₂on

Нил Таун Стивенсон

Лавина

Серия «Большая фантастика»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31740115
Лавина / Нил Стивенсон ; [пер. с англ. А. Комаринец].: АСТ, АСТ
Москва, Хранитель; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-099841-8

Аннотация

Изменяющий сознание прыжок в футуристическую Америку, столь странную, столь возмутительную, что вы сразу ее распознаете.

Нил Стивенсон настолько оригинален, что не поддается сравнению и переопределяет то, как мы смотрим на мир. «Лавина» – роман, сплетающий виртуальную реальность, шумерскую мифологию, хипстерскую клевость и киберчувствительность в гигатриллер информационного века.

В реальности Хиро Протагонист доставляет пиццу Uncle Enzo's CosoNostra Pizza Inc. В виртуальной реальности, в Метавселенной, он принц-воин. Погружаясь с головой в загадку нового компьютерного вируса, который повсюду поражает хакеров, он мчится по освещенным неоном улицам с миссией Search and Destroy, чтобы остановить начинающийся инфокалипсис.

Содержание

1	5
2	21
3	33
4	46
5	60
6	74
7	91
8	106
9	116
10	128
11	140
12	147
13	166
14	180
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Нил Стивенсон

Лавина

Neal Stephenson
Snow Crash

Copyright © 1992 by Neal Stephenson

Перевод *Анны Комаринец*

Дизайн серии

Василия Половцева и Андрея Саукова

© А. Комаринец, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Доставщик принадлежит к элитному ордену, к избранным среди людей. Боевого духа у него выше крыши. Сейчас ему предстоит третья миссия за эту ночь. Черная, как активированный уголь, форма словно высасывает свет из воздуха. Пуля отскочит от арахноволокна этого скафандра, точно птица-крапивник от садовой двери, но испарина проносится как вихрь через лес, только что политый напалмом. Надо всеми суставами и костями – синтезированный бронегель: на ощупь как зернистый студень, защищает как стопка телефонных справочников.

При приеме на работу ему выдали пушку. Доставщик никогда не марается о наличность, но всегда найдет простак, охочий до его машины или груза. Пушка крохотная, обтекаемая, весит мало – словно созданная оружейником-кутюрье; стреляет она крохотными стрелами, вылетающими со скоростью в пять раз большей, чем у самолета-шпиона модели «SR-71», а когда закончишь стрелять, ее нужно воткнуть в прикуриватель в автомобиле, поскольку работает она на аккумуляторах.

Доставщик никогда не выхватывал ее в гневе или в страхе. Он достал ее лишь однажды в «Нагорье Хилы». Двое жлобов в этом понтовом ЖЭКе решили, будто могут получить заказ, не заплатив за него. Думали напугать Доставщика бейс-

больной битой. Доставщик выхватил свою пушку, навел лазерный прицел на самоуверенного Луисвильского Отбивающего и выстрелил. Отдача была огромной – оружие словно взорвалось у него в руке. Средняя треть бейсбольной биты превратилась в столп горящих опилок, и их разнесло во все стороны, будто сверхновая вспыхнула. В руках у жлоба осталась рукоять биты, из которой валил молочно-белый дым, а сам он остался дурак дураком. Ничего не получил от Доставщика, кроме проблем на свою задницу.

С тех пор Доставщик пушку держит в бардачке, а полагается вместо нее на пару самурайских мечей; впрочем, он всегда предпочитал их любому другому оружию. Жлобы из «Нагорья Хилы» огнестрельного оружия не испугались, поэтому Доставщик вынужден был пустить его в ход. Мечи сами за себя говорят.

Энергии в аккумуляторах его машины хватит даже на то, чтобы забросить фунт бекона в Пояс Астероидов. Не в пример семейным малолитражкам и навороченным седанам, машина Доставщика эту энергию сбрасывает через начищенные зияющие сфинктеры. Когда Доставщик дает по газам, весь мир ходит ходуном. Вы скажете: а как же шипы сцепления на покрышках? Ага, у вашей тачки они крошечные и с асфальтом стыкуются в четырех местах размером с язык. У Доставщика не шипы, а липучки шириной в ляжку толстухи. Доставщик с дорогой контактит, разгоняется что твой дурной

день, останавливается на песете¹.

Почему Доставщик так снаряжен? Потому что люди на него полагаются? Он – образец для подражания. Это же Америка. Люди, черт побери, делают то, что пожелают, у вас с этим проблемы? У них есть на это право. А еще у них есть пушки, которые никто, мать их, не остановит. В результате у этой страны самая хреновая экономика в мире. Если уж на то пошло, мы говорим об экономическом балансе: как только мы перевели всю нашу промышленность в другие страны, как только все устаканилось и машины собирают в Боливии, а микроволновки – в Таджикистане, после чего продают их обратно нам, как только гигантские гонконгские корабли и дирижабли, способные за пятицентовик перевезти Северную Дакоту в Новую Зеландию, превратили наше превосходство в природных ресурсах в ничто, как только Рука Божия, собрав все исторические несправедливости, размазала их по глобусу толстым слоем того, что пакистанский фасовщик марихуаны считает благосостоянием, – хотите что скажу? Теперь есть всего четыре штуки, которые мы делаем лучше всех остальных:

музыка,
кино,
микрокод (софт)
и скоростная доставка пиццы.

Доставщик раньше писал программное обеспечение. И до

¹ Денежная единица Испании (с 1869 по 2002 гг.).

сих пор иногда пишет. Но даже будь жизнь привольным детсадом, которым заправляют добросердечные доктора педагогических наук, в личной карточке Доставщика стояло бы: «Хиро – очень талантливый мальчик и ко всему подходит творчески, но ему нужно больше трудиться, развивая социальные навыки».

Поэтому теперь у него есть работа, которая не требует ни ума, ни творческого подхода, но для нее не нужно никакой социализации. Принцип только один: Доставщик всегда на посту, свою пиццу вы получите через тридцать минут – в противном случае можете пристрелить Доставщика, забрать его машину и подать групповой иск. Доставщик исполняет эту работу уже полгода – достаточно длительный срок по его меркам, – и он ни разу не доставил пиццу медленнее, чем за двадцать одну минуту.

Ясное дело, раньше о времени спорили. Сколько было потеряно корпоративных водитель/лет! Раскрасневшиеся и вспотевшие от собственной лжи, вонявшие «олд спайсом» и профессиональным стрессом Домовладельцы стояли на залитых светом порогах, размахивая «сейко» и тыча пальцами в часы над кухонной раковиной: мать вашу, вы что, время определить не можете?

Теперь это дело прошлое. Доставка пиццы – важная отрасль экономики. И у этой отрасли свои менеджеры. Этому четыре года учат в университете «Пицца Коза Ностра». Не умеющие и двух слов по-английски связать студенты приез-

жают сюда учиться из Абхазии, Руанды, Гуанахуато и Южного Джерси, а после защиты диплома знают о пицце больше, чем бедуин о песке. В университете изучили проблему. Составили графики частотности диспутов на пороге. Снабдили тогдашних Доставщиков диктофонами, чтобы записать и проанализировать тактику дебатов, полигон частот в гневных голосах, отличительные грамматические конструкции, употребляемые белыми представителями «среднего класса» в Жилищных Элитных Коммунах типа А, когда это население, вопреки всякой логике, вдруг решает, что сейчас самое время дать праведный отпор всему, что есть в их жизни затхлого и мертвящего: они готовы лгать, обманывая самих себя относительно времени своих звонков, и получать пиццу бесплатно; да что там – они заслуживают бесплатной пиццы наряду с правом жить свободно и заниматься чем им заблагорассудится, это ведь, черт побери, их неотъемлемое право! Из университета посылали к таким людям психологов, дарили им телевизоры, лишь бы они согласились на анонимные интервью, подключали их к детекторам лжи, изучали волны мозга, показывая триллеры с порнозвездами и полночными автокатастрофами, а Сэмми Дейвис-младший приглашал их в сладко пахнущие комнаты с розовато-лиловыми стенами, где задавал вопросы об этике, настолько мудреные, что даже иезуит не смог бы ответить на них, не впад в простительный грех.

Аналитики университета «Пицца Коза Ностра» пришли к

выводу, что виновата во всем человеческая природа, а ее – увы! – не изменить, поэтому прибегли к дешевому и быстрому техническому решению: снабдили упаковки программным управлением – для простоты «смарт-коробки». Теперь у коробки с пиццей есть гофрированный для жесткости пластмассовый панцирь с маленьким окошком на боку, в котором отщелкивают секунды, истекшие со времени рокового телефонного звонка. В панцире микрочипы и еще много всего. Пиццы небольшой стопкой покоятся в гнездах за головой Доставщика. Каждая пицца скользит в свое гнездо, как микроплата в компьютер, и со щелчком встает на место, когда процессор «смарт-коробки» подсоединяется через интерфейс к бортовому компьютеру машины Доставщика. Адрес звонившего уже вычислен по телефонному звонку и зашит во встроенный RAM «смарт-коробки». Оттуда он передается в бортовой компьютер, который, рассчитав маршрут, проецирует его на головной дисплей: разноцветная светящаяся карта выводится на лобовое стекло, поэтому Доставщику даже не нужно опускать взгляд.

Если истекает получасовой срок, весть о катастрофе несется в штаб-квартиру «Пиццы Коза Ностра», а оттуда передается самому Дядюшке Энцо – сицилийскому Полковнику Сэндерсу, Энди Гриффиту из Бенсонхерста, опасной бритве из ночных кошмаров Доставщика, капо и номинальному главе «Коза Ностра, Инк.», который уже через пять минут звонит клиенту с нижайшими извинениями. На следу-

ющий же день личный реактивный вертолет Дядюшки Энцо приземляется на заднем дворе клиента, и Дядюшка Энцо извиняется снова, дарит клиенту бесплатный тур в Италию – лишь бы он согласился представлять «Коза Ностра» и покончить со своим прежним мирным существованием. В конечном итоге у него остается ощущение, будто он в долгу перед мафией.

Доставщик не знает наверняка, какая судьба ждет в таких случаях водителя, но слухи доходили. Большинство заказов пиццы приходится на вечерние часы, которые Дядюшка Энцо считает своим свободным временем. А как бы вы себя чувствовали, если бы вам пришлось прервать семейный обед, чтобы позвонить буйному придурку в ЖЭКе и пресмыкаться из-за запоздавшей пиццы? Дядюшка Энцо не для того пятьдесят лет жизни угробил на службе своей семье и своей стране, чтобы в том возрасте, когда положено играть в гольф и купать внушек, мокрым выскакивать из ванной и целовать ноги какому-то шестнадцатилетнему панку, чья пепперони прибыла на тридцать первой минуте. О боже! От самой этой мысли у Доставщика перехватывает дыхание.

Но будь все иначе, он не стал бы работать на «Пиццу Коза Ностра». И знаете почему? Потому что есть своя прелесть в том, чтобы поставить жизнь на карту. Ты словно пилот-камикадзе. Твой разум чист. Остальные – складские клерки, переворачиватели бургеров, программисты, целый словарь бессмысленных профессий, из которых состоит Жизнь в Аме-

рике, – все эти остальные просто полагаются на старую добрую конкуренцию. Переворачивай бургеры, вычищай глюки из подпрограммы быстрее, чем переворачивает или вычищает твой одноклассник на другой стороне улицы, потому что мы конкурируем с этими парнями, а клиенты такое замечают.

Что, черт побери, за тараканы бегать! В «Пицца Коза Ностра» конкуренции нет. Конкуренция несовместима с этикой мафии. Ты работаешь лучше не потому, что конкурируешь с таким же заведением на той стороне улицы. Ты работаешь лучше потому, что на карту поставлено все. Твое имя, твоя честь, твоя семья, твоя жизнь. У переворачивателей бургеров, возможно, продолжительность жизни дольше – но что это за жизнь, скажите на милость? Вот почему никто, даже японцы, не способны доставлять пиццу быстрее, чем «Коза Ностра». Доставщик гордится тем, что носит именно эту форму, гордится, что сидит за рулем именно этой машины, гордится тем, что поднимается на сотни крылечек в бесчисленных ЖЭКах, – грозный рыцарь, черный ниндзя с пиццей на плече, а красные огоньки отбрасывают в ночь гордые цифры: 12:32, или 15:15, или – нечасто – 20:43.

Доставщик приписан к «Пицца Коза Ностра» номер 3569 в Долине. Южная Калифорния никак не решит, спешить ей или просто удавиться на месте. Слишком много машин, слишком мало дорог. «Чистые Полосы, Инк.» все время прокладывает новые. Для этого приходится сносить сотни жи-

лых кварталов, но ведь эти застройки семидесятых и восьмидесятых как раз для того и существуют, чтобы пройтись по ним бульдозерами, так? У них же нет ни тротуаров, ни школ, вообще ничего. Нет собственной полиции, нет иммиграционного контроля: нежелательные элементы могут войти без обыска или даже допроса с пристрастием. Приличные люди живут в ЖЭКе. В городе-государстве с собственной конституцией, границами, законами, копами, всем на свете.

Некогда Доставщик служил капралом в Службе Госбезопасности «Мерривейлских Ферм». Его выгнали за то, что он подступился с мечом к опознанному преступнику: проткнул ткань рубашки, провел плоским клинком по шее, пригвоздив к рифленой обшивке на стене дома, в который как раз собирался вломиться преступник. Он-то думал, что это безупречное задержание. Но его все равно выгнали, потому что преступник оказался сыном вице-канцлера «Мерривейлских Ферм». Конечно, у местных умников нашелся предлог: дескать, тридцатishестидюймового самурайского меча в их «Приложении к Протоколу об оружии» нет. Сказали, он нарушил КЗП – «Кодекс задержания подозреваемого». Твердили, будто преступник получил психологическую травму: теперь он, мол, боится ножей для масла и джем ему приходится размазывать чайной ложкой. Сказали, что им предъявили иск.

Доставщику пришлось влезть в долги, чтобы с ними расплатиться. Взять в долг у мафии, если уж на то пошло. По-

этому теперь он в их базе данных – рисунок сетчатки, ДНК, голосограммы, отпечатки пальцев, ступней, ладоней, запястий, отпечатки всех частей его тела, черт их побери, на которых имеются морщинки (ну, почти всех), его чуть ли не целиком облили чернилами, провезли по бумаге и, оцифровав, загнали в компьютер. Но это же их деньги, а мафия со своими деньгами осмотрительна. Когда он подал заявление о приеме на место Доставщика, его взяли с радостью, потому что уже знали. Когда он получал заем, ему пришлось иметь дело с самим ассистентом вице-капо по Долине, который позднее дал ему рекомендации для устройства на работу. Его словно приняли в семью. В страшную, испорченную, коррумпированную и жестокую семью.

Франшиза «Пицца Коза Ностра» номер 3569 расположена на Виста-роуд, сразу за торговым центром «Кингс-парк». Раньше Виста-роуд принадлежала штату Калифорния, а теперь называется «Чистые Полосы, Инк., Марш. СПТ-5». Главным ее конкурентом раньше была федеральная трасса, которая теперь называется «Кати Пути, Инк., Марш. Кал-12». Чуть дальше вглубь Долины эти конкурирующие трассы пересекаются. Когда-то там пылали жаркие споры, и перекресток был закрыт из-за эпизодических перестрелок снайперов. Наконец перекресток купил крупный подрядчик и превратил его в крытый гипермаркет. Сейчас дороги вливаются в систему паркингов – не стоянку, не многоэтажный гараж, но систему – и там теряют свою индивидуаль-

ность. Чтобы миновать перекресток, надо пробраться через лабиринт дорожек, переплетающихся в разных направлениях, как тропа Хо Ши Мина. У «СПТ-5» путь прямее, а у «Кал-12» лучше покрытие. Это типично: «Чистые Полосы» специализируются на шоссе, которые доставят вас по назначению, то есть на водителях типа А, а «Кати Пути» – на получении удовольствия от дороги, на водителях типа В.

Доставщик – водитель типа А, зараженный бешенством. Он несется домой на базу, в «Пиццу Коза Ностра» номер 3569, выжимая сто двадцать километров по левому ряду СПТ-5. Его машина – почти невидимая черная таблетка, темное пятно, в котором отражается туннель франшизных логотипов, светящееся лого. Пониже капота перемигиваются оранжевые огни: дыши его машина воздухом, там находилась бы решетка радиатора. Эти оранжевые сполохи точно пожар. Проникая через задние стекла других машин, они отражаются от зеркалец, проецируют в глаза водителям огненную маску, извлекая из подсознания людей детские кошмары: страх быть заживо задавленным взрывающимися цистернами с газом. Так Доставщик на своей черно-огненной колеснице пепперони расчищает себе дорогу.

Логло над головой, двумя инверсионными следами маркирующее СПТ-5, складывается из несметного множества неоновых ячеек, творений асов Манхэттена, которые на разработке одного-единственного логотипа зашибают больше, чем любой Доставщик за целую жизнь. Но вопреки всем

своим попыткам выделиться логотипы сливаются в единое пятно – особенно на скорости сто двадцать километров в час. Тем не менее «Пиццу Коза Ностра» номер 3569 увидеть нетрудно, и все из-за щита, высокого и широкого даже для нынешней гигантомании. Сама приземистая франшиза кажется всего лишь фундаментом для огромных, величественных колонн из железоволокна, возносящих рекламный щит в небесную твердь торговых марок. Трейдмарк, детка.

Классический щит, освященный традицией, примелькавшийся и вездесущий, – это вам не мыльный пузырь рекламной кампании-однодневки. Простой и исполненный достоинства. На нем красуется Дядюшка Энцо в элегантном итальянском костюме. Блестит и гнется, точно сухожилия, узкая полоска. Сияет квадрат кармана. Прическа безупречна, зачесанные назад волосы держатся на супергеле, который никогда не вычесывается, каждая прядь ровненько подстрижена кузенком Дядюшки Энцо, Маэстро Парикмахером, который держит вторую по величине сеть таких заведений по всему миру. Дядюшка Энцо, конечно, не улыбается, но глаза у него весело поблескивают; он не позирует, будто модель, но стоит так, как стоял бы ваш дядя, и говорит:

Мафия

У вас есть друг в Семье!

Оплачено фондом «Наше Дело»

Щит служит Доставщику путеводной звездой. Пока он виден целиком, гони по левому ряду, а когда его нижний край

закроют псевдоготические витражные арки местной франшизы «Жемчужных врат преподобного Уэйна», пора переходить в правый, где тащатся слабоумные «чайники» и малолитражки, непредсказуемые, нерешительные, заглядывающие в проезд к каждой франшизе, будто не знают, что их там ждет: конфетка или угроза.

Он подрезает малолитражку, семейный минивэн, закладывает крутой вираж у соседней «Купи и Кати» и въезжает в «Пиццу Коза Ностра» номер 3569. Шины жалобно визжат, но держат на патентованном, с усиленным сцеплением покрытии «Чистые Полосы, Инк.». В туннеле франшизы пусто, ни одного другого Доставщика. Это хорошо. Это означает высокий товарооборот, стремительное действие и – двигай задом. Со скрежетом тормозов он останавливается, а в боку машины уже поднимается электромеханический люк, открывая пустые гнезда для пиццы. Сворачиваясь как крыло пчелы, отодвигается дверца. Гнезда ждут. Ждут пиццу.

Ждут и ждут. Доставщик нажимает на клаксон. Такой исход не предусмотрен.

Скользит и открывается окно. Такое тоже недопустимо. Достаточно только открыть папку о трех кольцах из университета «Пицца Коза Ностра», найти в предметном указателе перекрестные ссылки на слова «окно», «туннель» и «отправитель» и увидеть все операции по работе этого окна: оно никогда не должно быть открыто. Разве что случилась беда.

Нажать кнопку «отключение звука» на стерео. Гнетущая

тишина. Барабанные перепонки Доставщика расслабляются. Из окна воеет противопожарная сигнализация. Мотор работает вхолостую, пиццамобиль ждет. Люк слишком долго стоит открытым, частицы загрязненной атмосферы скапливаются на электрических контактах в недрах гнезд – Доставщику придется зачищать их раньше времени. Все идет совсем не так, как определено в папке о трех кольцах, где расписан весь ритм пицца-вселенной.

Внутри прыгает, как мячик, круглый абхазец, мечется взад-вперед с открытой папкой о трех кольцах в руках, заложив запасной камерой нужную страницу. Бегаёт он с видом человека, который носит в ложке яйцо. И кричит по-абхазски. Все, кто заправляет во франшизах «Коза Ностра» в этой части Долины, – иммигранты из Абхазии.

На серьезный пожар не похоже. Доставщик однажды присутствовал при настоящем пожаре в «Мерривейлских Фермах», тогда ничего, кроме дыма, не было видно. Только один дым и был, а в его вырывающихся неизвестно откуда клубках искрились сполохи оранжевого света. Здесь же и огня нет, и дыма ровно столько, чтобы включилась пожарная сигнализация. А Доставщик из-за этой ерунды теряет время.

Доставщик снова давит на клаксон. Менеджер-абхазец подсакивает к окну. Для переговоров с водителями ему положено пользоваться интеркомом: он мог бы сказать что угодно, и это прозвучало бы прямо в кабине у Доставщика, так нет, ему надо говорить лицом к лицу, будто Доставщик

какой-то там извозчик. Абхазец раскраснелся, по лицу у него катится пот, пока он пытается, закатывая глаза, вспомнить английские фразы.

– Пожарчик, – говорит он. – Совсем маленький.

Доставщик молчит. Поскольку знает, что все записывается на видеопленку. Данные, как водится, будут пересланы в университет «Пицца Коза Ностра», где их подвергнут анализу в научной лаборатории пицца-менеджмента. Их покажут студентам университета пиццы, возможно, тем самым, что придут на смену этому абхазцу, когда его уволят, как хрестоматийный пример того, как можно испоганить себе жизнь.

– Новый сотрудник... свой обед в микроволновую... там фольга... бух! – бормочет менеджер.

Абхазия входила в Советский, мать его, Союз. Свежеиспеченный иммигрант из Абхазии, пытающийся управиться с микроволновкой, – все равно что глубоководный ленточный червь, совершающий операцию на мозге. Откуда только такие берутся? Разве нет больше американцев, которые могли бы испечь пиццу, черт побери?

– Просто дайте мне пиццу, – говорит Доставщик.

Упоминание пиццы разом возвращает менеджера в нынешнее столетие. Он берет себя в руки. Захлопывает окно, в корне заглушая неумолчное нытье противопожарной сигнализации.

Выныривает японская автоматическая робот-стрела с пиццей и запихивает ее в самое верхнее гнездо. Люк закры-

вается, чтобы защитить пиццу.

А когда Доставщик, набирая скорость, выезжает из туннеля, проверяет адрес, мерцающий перед ним на лобовом стекле, и решает, повернуть ему налево или направо, его ждет самое страшное. Бортовой компьютер отключает музыку в стереонаушниках. Свет в кабине сменяется на красный. Красный!!! Гудит сирена. На лобовом стекле вспыхивают цифры, повторяющие данные на коробке с пиццей: 20:00.

Доставщику только что дали двадцатиминутную пиццу. Он сверяется с адресом. До места двенадцать миль.

Испустив произвольный вопль ярости, Доставщик давит на газ. Гнев приказывает ему вернуться и убить менеджера, достать из багажника мечи, проскользнуть, точно ниндзя, в маленькое окошко, выследить его в сальном хаосе франшизных микроволновок и познакомить с венчающим, с хрусткой корочкой, катаклизмом. Но то же самое он думает, когда кто-нибудь подрезает его на трассе. Впрочем, свои фантазии он пока не воплотил. Пока.

Он справится. Это выполнимо. Оранжевые сигнальные огни он выкручивает на максимум, а мигалку на крыше выставляет на автомат. Вырубив зловещую сирену, он запускает на стерео такси-скан, который выискивает на всех частотах упоминания происшествий на трассе. Ни черта не понять. Можно купить кассеты, зубрить за баранкой и выучить, наконец, таксилингву. Иначе не получишь работу таксиста. Говорят, в основе таксилингвы английский, но в ней и одно слово из сотни не узнаешь. И все-таки смысл уловить можно. Если впереди на трассе проблемы, таксисты будут тараторить о них на этом своем наречии, что хоть как-то его предупредит, позволит ему выбрать другой маршрут и не...

*он крепче сжимает руль
застрять в пробке
глаза у него расширяются*

*он чувствует, как давление
вгоняет их
ему в череп...*

или застрять позади жилого трейлера
мочевой пузырь у него переполнен
и доставить пиццу
о боже боже боже
с опозданием.

22:06 мигает на лобовом стекле. Он не видит ничего, не думает ни о чем, кроме 30:01.

Таксисты гудят как встревоженные мухи. Таксилингва на слух – медоточивый лепет с вкраплениями резких иностранных звуков, точно масло приправили битым стеклом. Он то и дело слышит слово «седок». Они всегда тарабанят о своих треклятых седоках. Подумаешь! Что случится, если доставишь своего седока

с опозданием?
мало получишь чаевых?
Подумаешь.

Движение у перекрестка СПТ-5 и Оуха-роуд, как обычно, еле ползет. Единственный способ избежать пробки – обогнуть перекресток, срезать через «Конюшни Виндзорских Высот». Все КВВ построены по одному плану. Создавая новый ЖЭК, корпорация «КВВ Градоустройство» срывает под корень горные гряды и изменяет русла могучих рек, грозящих нарушить план их улиц, эргономически спроектиро-

ванных для увеличения безопасности уличного движения. Можно въехать в любые «Конюшни Виндзорских Высот» от Фэрбанка и Ярославля до шенгенской свободной экономической зоны и ни за что не потеряешься.

Но стоит вам по несколько раз доставить пищу в каждый дом КВВ, узнаешь все местные тайны. Доставщик – как раз такой человек. Он знает, что в стандартных КВВ есть один, и только один двор, который мешает проехать ЖЭК насквозь, въехав с одного КПП и выехав из другого. Если вы брезгуете ездить по траве, колесить вам по КВВ минут десять. Но если у вас достанет храбрости оставить следы на газоне этого единственного двора, сможете пролететь напрямик через центр.

Доставщику такой двор известен. Он пару раз доставлял туда пищу. Он его осмотрел, разведал, запомнил расположение сарайчика и столика для пикников, сумеет найти их и в темноте. Он-то знает, что если когда-нибудь попадет в переплет (двадцатиминутная пицца, затор на перекрестке СПТ-5 и Оуха-роуд), то можно въехать в «Конюшни Виндзорских Высот» (электронная виза от «Коза Ностры» автоматически поднимет ворота), с визгом шин пронестись по бульвару Наследие, заложить вираж в переулок Соломенного моста (не обращая внимания на указатель «ТУПИК», ограничитель скорости и знак «ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА» – такие указатели щедро развешаны по всем КВВ), разнести «лежачих полицейских» мощными шинами с радиальным кордом, про-

нестись по подъездной дорожке дома 18 по Соломенной площади, резко взять влево, огибая сарай на заднем дворе, вылететь в задний двор дома 84 по Кленовому переулку, увернуться от стола для пикников (немалый подвиг), съехать на подъездную дорожку, оттуда на сам Кленовый, который выведет его на проспект Красного леса, а тот упирается в КПП. Возможно, на выезде его будет ждать полиция, но их ТПШ, приспособления для Тяжелого Повреждения Шин, смотрят только в одну сторону: они могут не впускать машины, но не удерживать их в КВВ.

Пиццамобиль развивает такую скорость, что если коп откусывает от пончика, когда Доставщик въезжает на бульвар Наследие, то, вероятно, даже не успеет проглотить его до того, как Доставщик с визгом шин вылетит на Оуха.

Чпок. На лобовом стекле появляются новые красные огни: «Нарушен периметр безопасности транспортного средства».

Нет! Такого не может быть!

Кто-то сел ему на хвост. Несется у самого левого крыла. Некто на скейтборде катит по трассе сразу за ним, а он как раз рассчитывает вектор съезда на бульвар Наследие.

Сосредоточившись на дороге, Доставщик допустил, чтобы его *запустили*. Загарпунили, для ясности. Большой, круглый с резиновыми прокладками электромагнит на сверхпрочном тросе только что с глухим звуком ударился о заднее крыло пиццамобиля, да там и остался. А владелец этой

треклятой штуковины прохлаждается: оседлал Доставщика, стоит себе на скейтборде, будто катит на водных лыжах за катером.

В зеркальце заднего вида – пятна оранжевого с синим. Паразит – не просто развлекающийся панк. Это бизнесмен, и занят он делом: деньги гребет. Оранжевый с синим комбинезон с выпирающими повсюду прокладками из бронегеля – униформа курьера. Курьера РадиКС, «Радикальной Курьерской Службы». Они вроде посыльных на велосипедах, только в сто раз докучливее, поскольку не крутят педали сами, нет, они налипают на машины и их задерживают.

Все вполне логично. В спешке Доставщик сигналил фарами, сверкал мигалкой, визжал шинами – в общем, несясь быстрее всех остальных. И естественно, курьер решил сесть ему на хвост.

Не стоит выходить из себя. Если он срежет путь через КВВ, у него все равно в запасе уйма времени. Он обгоняет машину в среднем ряду, потом резко подрезает ее и встает в ее ряд. Курьеру придется отцепить магнит, иначе его ударит о крыло более медленной тачки.

В десяти футах позади курьера уже нет. Он прямо за спиной у Доставщика, заглядывает в заднее стекло. Предвосхищая маневр водителя, курьер втянул на мощном барабане в рукояти трос и теперь буквально сидит на пиццамобиле: переднее колесо скейта просто зашло под задний бампер.

Оранжево-синяя рука шлепает что-то на боковое стекло.

Доставщику только что наклепили стикер длиной в фут, а на нем надпись большими оранжевыми буквами (напечатанная зеркально, так, чтобы он мог прочесть из кабины):

ИЗБИТЫЙ ТРЮК

Он едва не пропускает поворот на «Конюшни Виндзорских Высот», и чтобы свернуть в ЖЭК, ему приходится резко надавить на тормоз, выйти из потока и проскочить через обочину. Пограничный пост хорошо освещен, таможенники готовы обыскать любых въезжающих, к примеру произвести досмотр полостей тела, если гости с виду низшего сорта. Но ворота распахиваются как по волшебству, ведь система безопасности видит, что это машина «Пиццы Коза Ностра», – просто выполняем доставку, сэр. И когда он проскакивает КПП, курьер – этот клещ у него на заднице – только делает ручкой пограничной полиции! Ну и тип! Точно каждый день сюда приезжает!

Вероятно, он и вправду приезжает сюда каждый день. Привозит сверхважные бумаги для сверхважных боссов КВВ, развозит всякие конверты по ФОКНаГам, Франшизно-организованным Квазинациональным государствам, без задержки проскакивая все КПП. Вот что делают курьеры. До сих пор паразитам все с рук сходило.

Скорость у него слишком мала, он ведь потерял почти все ускорение. Где же курьер? Ага, выпустил немного троса, снова катит позади. Ну погоди, тебя ждет большой сюрприз. Сумеешь удержаться на своей чертовой доске, если тебя на

ста километрах в час протащить по расплюснутым останкам трехколесного велосипеда? Сейчас выясним.

Курьер же – Доставщик не может не наблюдать за ним в зеркальце заднего вида – откидывается, будто серфер на водных лыжах, переступает с ноги на ногу на доске, теперь он едет вровень с пиццамобилем по бульвару Наследие, и – чпок! – наклепляет еще один стикер – на сей раз на лобовое стекло!

ЛОВКИЙ ХОД, УМНИК

Доставщик наслышан о таких стикерах. Много часов уйдет на то, чтобы их соскоблить. Придется везти машину в спецсервис, платить триллионы долларов. Теперь на повестке у Доставщика два пункта: во что бы то ни стало стряхнуть эту уличную мразь и доставить треклятую пиццу за 24:23 за следующие пять минут и тридцать семь секунд.

Вот оно! Надо больше внимания уделять дороге. Без предупреждения он сворачивает на боковую улочку, надеясь, что инерция занесет курьера в указательный столб на углу. Не сработало. Эти умники следят за передними шинами, поэтому видят, куда ты поворачиваешь, врасплох их не застать. Впереди тот самый переулок, переулок Последней Соломинки! Такой длинный! Намного длиннее, чем он думал, – что, впрочем, естественно, когда спешишь. Он видит отблеск лобового стекла, машина припаркована боком к дороге, их тут, похоже, ставят по кругу. А вот и дом. Хлипкая двухэтажка из голубого винила с притулившимся к ней одноэтажным гара-

жом. Доставщик концентрируется на подъездной дорожке – она теперь центр его вселенной, – выбрасывает из головы курьера, стараясь не думать о том, что делает сейчас Дядюшка Энцо: лежит в ванне, наверное, или сидит на унитазе, или, может, забавляется с какой-нибудь старлеткой, или учит сицилийской песенке одну из двадцати шести внушек.

Подъездная дорожка поднимается под углом, отчего передняя подвеска почти врезается в ходовую пиццамобиля, но ведь подвески для того и существуют. Доставщик лавирует между машинами – похоже, тут сегодня прием, ведь у хозяев, кажется, «лексуса» нет, – проламывает живую изгородь, ищет взглядом сарай, тот самый сарай, в который ему ни за что нельзя врезаться,

его тут нет, его снесли

следующая проблема – стол для пикников в соседнем дворе

держись, вот черт, тут забор! Когда они поставили тут забор?

Нет времени давать по тормозам. Надо разогнаться, снести забор ко всем чертям, не теряя скорости. Это же просто-напросто четырехфутовая деревянная загородка.

Забор валится без труда, пиццамобиль теряет процентов десять скорости. Но самое странное – на вид этот забор старый, может, он свернул не туда? – думает он, обрушиваясь, как ядро из катапульты, в пустой бассейн.

Будь бассейн полон воды, все было бы не так худо, пицц-мобиль, возможно, удалось бы спасти, и ему не пришлось бы возмещать «Коза Ностре» стоимость новой машины. Но нет, он таранит заднюю стенку бассейна – по звуку скорее взрыв, чем автокатастрофа. Вдувается воздушная подушка, потом опускается снова, будто занавес, открывающий ему параметры его будущей новой жизни: он застрял в разбитом пицц-мобиле посреди бассейна на заднем дворе КВВ, приближаются сирены полиции госбезопасности ЖЭКа, а над головой у него, точно топор гильотины, пицца с цифрами 25:17.

– Какой адрес? – спрашивает голос.

Женский.

Он поднимает глаза и через перекошенную раму лобового стекла, обрамленную фрактальным узором осколков, видит курьера. Этот курьер – вовсе не мужчина, а молодая женщина. Подросток, мать ее за ногу. Она целехонька, ей-то ничего не сделалось. Просто съехала по стенке бассейна и теперь катается по дну от одного края к другому, почти до обода поднимаясь по одной стенке, поворачиваясь и направляясь к другой. В правой руке она держит пун, электромагнит втянут почти до самой рукояти, и устройство теперь похоже на межгалактическое лучевое ружье с широким углом поражения. На груди у нее посверкивает орденский иконостас, сотни планок и ленточек, как у генерала, только вот каждая планка вовсе не орденская, а бар-код. Бар-код с идентификационным номером, который пропускает ее в различные

франшизы, ФОКНаГи или на трассы.

– Эй! – окликает она. – По какому адресу пицца?

Он вот-вот умрет, а она насмехается.

– «Белые Колонны», Оглеторп-сёркл, дом 5, – говорит он.

– Сделаю. Открывай люк.

Сердце у Доставщика расширяется вдвое против нормального. На глаза наворачиваются слезы. Возможно, он останется жив. Он нажимает на кнопку, и люк открывается.

Проскакивая в очередной раз по дну бассейна, курьер выхватывает пиццу из гнезда. Доставщик морщится, представляя себе, как сминается о заднюю стенку коробки стылая верхушка из сыра с чесноком. Потом курьер прижимает к себе коробку локтем. Это уж слишком, Доставщик вынужден отвернуться.

Но она ее доставит. Дядюшка Энцо не должен извиняться за поломанные и остывшие пиццы, только за опоздавшие.

– Эй, – окликает он, – возьми.

Доставщик просовывает в разбитое окно затянутую в черное руку. В тусклом свете заднего двора белеет квадратик: визитная карточка. В следующий свой проход курьер выхватывает ее и читает. На карточке значится:

ХИРО ПРОТАГОНИСТ²

Последний из независимых хакеров

² 1. Protagonist – 1) протагонист, главный герой, главное действующее лицо; 2) актер, играющий главную роль; 3) борец, поборник, защитник, сторонник, приверженец (идеи). (Новый большой англо-русский словарь).

*Величайший боец на мечах в мире
Стрингер, Центральная разведывательная
корпорация
Специализация в области программного обеспечения
(музыка, фильмы & микрокод)*

На обороте ряды цифр, указывающие, как с ним можно связаться. Номер телефона. Универсальный код голосового телефонного локатора. Почтовый ящик. Его адрес в полудюжине электронных коммуникационных сетей. И адрес в Метавселенной.

– Дурацкое имя, – говорит курьер, заталкивая визитку в один из сотни карманов, которыми усеян ее комбинезон.

– Зато его не забудешь, – отвечает Хиро.

– Если ты хакер...

– То почему я развожу пиццу?

– Вот именно.

– Потому что я независимый хакер. Послушай, как бы тебя ни звали, я у тебя в долгу.

– Зови И. В., – говорит она и пару раз отталкивается ногой от пола бассейна, набирая скорость. Из бассейна она вылетает, как ядро из пушки, вот уже и вовсе исчезла. Огромное множество шипов в «смарт-колесах» ее скейтборда вылезает и втягивается, подстраиваясь под неровности почвы – вот почему по дерну она скользит, точно кусок масла по раскаленному тефлону.

Хиро, который уже тридцать секунд как перестал быть До-

ставщиком, выбирается из машины, забирает из багажника мечи и, закрепив их на себе, готовится к головокружительному бегству по территории КВВ. Граница с «Дубовыми Поместьями» всего в нескольких минутах, план местности он (вроде бы) помнит, а также знает, как поведут себя эти жэковские копы, потому что сам когда-то был одним из них. У него неплохой шанс выбраться отсюда. Но, похоже, его ждет любопытная пробежка.

На втором этаже дома, где бассейн, зажигается свет, и из спальни на него смотрят дети, такие теплые и заспанные в своих пижамках с «Крахмальной Лил» и «Воином-ниндзя с Плота», которые могут быть или огнеупорными, или неканцерогенными, но не теми и другими разом. Из задней двери, натягивая куртку, выходит папа. Симпатичная семья, живущая в уютном и светлом доме, совсем как семья, членом которой он был полминуты назад.

Хиро Протагонист и Виталий Чернобыль, на двоих занимающие просторный жилой блок 20 на 30 «Мегакладовки» в Ингвуде, штат Калифорния, бьют баклуши у себя дома. Полом «комнаты» служит бетонная плита, стены из рифленой стали отделяют ее от соседних блоков, и собственная закатывающаяся вверх стальная дверь – признак занимаемого положения и роскоши – выходит на северо-восток, пропуская пару-тройку красных лучей в такие, как сейчас, часы, когда над Международным аэропортом Лос-Анджелеса, в просторечье ЛАКС, садится солнце. Время от времени на диск солнца наезжает 777-й или сверхзвуковой транспортник «Сухой/Кавасаки», хвостом закрывая закат или просто искажая красный свет выхлопами реактивных турбин, завихряя параллельные лучи на стене в крапчатый рисунок.

Это еще не самое плохое место для жизни. В самой «Мегакладовке» есть куда хуже. Только у таких больших блоков, как этот, есть собственная дверь. В большинство заходят через общий погрузочный док, ведущий в лабиринт широких коридоров из рифленой стали и грузовых подъемников. Это трущобы, блоки 5 на 10 и 10 на 10, где индейцы яноама варят пригоршни листьев коки и бобы на костерках из лотерейных билетов.

Поговаривают, что в старые времена, когда «Мегакладов-

ку» еще использовали по назначению (а именно как дешевый склад, куда калифорнийцы стаскивали излишки материальных благ), ушлые дельцы снимали по поддельным документам блоки 10 на 10 и, заставив их железными бочками с токсичными химическими отходами, исчезали без следа, оставляя корпорацию «Мегакладовка» разбираться с этой дрянью по собственному усмотрению. Если верить слухам, корпорация просто повесила на такие блоки замки и списала их. Теперь, как утверждают иммигранты, в некоторых блоках завелись химические привидения. Такие страшные истории обычно рассказывают детям, чтобы те не взламывали блоки с висячими замками на дверях.

Никто не пытался взломать блок Хиро и Виталия, потому что красть у них нечего и оба они в данный момент своей жизни не настолько важные персоны, чтобы их убивать, похищать или допрашивать. Хиро владеет парой отличных японских мечей, но их он всегда носит при себе, и вообще затея украсть фантастически опасное оружие таит в себе множество опасностей для будущего преступника. Самое главное: когда пытаешься вырвать у кого-то меч, тот, в чьих руках рукоять, всегда побеждает. Еще у Хиро отличный компьютер, который он всегда берет с собой, куда бы ни направлялся. Виталий может похвастаться половиной пачки «Лаки страйк», электрогитарой и похмельем.

В настоящее время Виталий Чернобыль неподвижно распростерт на футоне, а Хиро Протагонист сидит по-турецки

у низенького столика в японском стиле – такой стол получается, если на два блока из шлакобетона поставить грузовую палету.

На закате красные лучи солнца вытесняют свечение множества неоновых логотипов, исходящее от франшизного гетто, которое составляет естественную среду обитания данной «Мегакладовки». Этот свет, известный как логло, раскрашивает самые темные уголки блока в пошловатые перенасыщенные цвета.

У Хиро кожа цвета капучино и колючие, обкромсанные дредды. Волос у него несколько меньше, чем было раньше, но это молодой человек, ни в коей мере не лысый и даже не лысеющий, а незначительное отступление волос ото лба только подчеркивает высокие скулы. На нем хромированные гоглы, полуочки-полушлем, закрывающие верхнюю часть лица и заходящие далеко на виски; в их дужки вмонтированы крохотные наушники, которые вставлены сейчас в уши Хиро.

В наушники же встроена блокировка шума. Лучше всего она работает при постоянном звуке. Когда неподалеку разгоняются перед стартом реактивные самолеты, блокировка редуцирует их вой до низкого гудения. Но когда Виталий Чернобыль лабаёт экспериментальное соло на гитаре, ушам Хиро все равно больно.

Гоглы отбрасывают на лицо Хиро неоновый свет, в котором можно разглядеть искаженную картинку: вид на уходя-

щий в бесконечную черноту ослепительно освещенный бульвар. Этот бульвар на самом деле не существует; это сгенерированное компьютером изображение воображаемого места.

Мираж не скрывает раскосых глаз Хиро. Их он унаследовал от матери, кореянки из Японии. В остальном он больше похож на отца, афроамериканца из Техаса, военного по призванию, служившего еще в те дни, когда армия не распалась на ряд конкурирующих организаций вроде «Системы Обороны генерала Джима» и «Национальной Безопасности адмирала Боба».

На грузовой палете четыре предмета: бутылка дорогого пива из «Пьюге Саунд», которое Хиро, по правде сказать, не по карману; длинный меч, известный в Японии как катана, короткий меч, известный как вакидзаси – отец Хиро привез их из Японии перед тем, как Вторая мировая война стала ядерной, – и компьютер.

Компьютер похож на черную приплюснутую пирамиду со срезанной верхушкой. Шнура питания у него нет, зато от порта в задней части тянется через палету и дальше по полу спиралька прозрачной пластиковой трубочки, которая исчезает в наспех установленном гнезде в стене над головой спящего Виталия Чернобыля. В середине трубки – волосок оптоволокну. По этому волоску между компьютером Хиро и внешним миром курсируют взад-вперед огромные объемы информации. Для того чтобы перенести тот же объем на бумагу, потребовалось бы, чтобы раз в несколько минут в их

жилой блок нырлял грузовой 747-й, набитый телефонными книгами и энциклопедиями.

По правде сказать, компьютер Хиро тоже не по карману, но он жить без него не может. Это его профессиональный инструмент. Во всемирной общине хакеров Хиро – талантливый бродяга. Еще пять лет назад такой стиль жизни казался ему романтичным. Но в унылом свете зрелого возраста, каковой в двадцать один или двадцать два все равно что воскресное утро в сравнении с субботним вечером, он ясно видит итог: ни работы, ни гроша за душой. Пару недель назад оборвалась его карьера развозчика пиццы – единственная бессмысленная, тупиковая работа, которая ему по-настоящему нравилась. С тех пор он перешел на запасной вариант, окончательно став стрингером ЦРК – Центральной Разведывательной Корпорации со штаб-квартирой в Лэнгли, Вирджиния.

Бизнес сравнительно прост. Хиро добывает информацию. Это могут быть слухи, видеозапись, аудиозапись, фрагмент жесткого диска, ксерокопия документа и так далее. Это может быть даже анекдот о последней нашумевшей катастрофе.

Добытое он сгружает в базу данных ЦРК, в Библиотеку – в прошлом Библиотеку Конгресса, но никто больше так ее не называет. Большинству людей сегодня не совсем ясно, что, собственно, означает слово «конгресс». Значение самого слова «библиотека» уже становится туманным. Раньше это было место, где хранились книги, в основном старые. По-

том туда же стали складывать видеопленки, отчеты и журналы. Потом всю информацию конвертировали в машинный формат, иными словами, в нули и единицы. И по мере того как росло число СМИ, материал становился все более ситуационным, а средства поиска в Библиотеке все более усложнялись, пока не стерлась грань между Библиотекой Конгресса и ЦРУ. По счастливой случайности это произошло как раз тогда, когда развалилось правительство. Поэтому они слились и создали корпорацию с солидным пакетом акций.

Миллионы прочих стрингеров ЦРК одновременно сгружают миллионы других фрагментов. Клиенты ЦРК, в основном крупные корпорации и суверенные государства, перерывают библиотеку в поисках полезной информации, и если сумеют найти применение для чего-то, что сгрузил Хиро, ему платят.

Год назад он целиком сгрузил предварительный вариант киносценария, который украл из мусорной корзины литагента в Бербэнксе. Просмотреть его пожелали полдюжины студий. С полученных денег Хиро бездельничал и кормился полгода.

С тех пор времена настали голодные. Он на собственной шкуре убедился, что девяносто девять процентов информации в Библиотеке вообще не используется.

Например. После того как некая курьер, подставив ему, так сказать, подножку, обрекла Хиро на существование в духе Виталия Черныбыля, он убил пару недель напряженного

труда на изучение нового музыкального феномена: восхождение украинских ядерных фазз-грандж групп в Л.А., а потом сгрузил в Библиотеку свой исчерпывающий доклад, присовокупив к нему видео- и аудиозаписи. Ни одна студия звукозаписи, агент или рок-критик не потрудились их открыть.

Из гладкого плато наверху компа-пирамиды выступает «рыбий глаз», стеклянная полусфера объектива с пурпурным оптическим покрытием. Когда Хиро включает машину, линза, поднявшись, встает на место, так что ее основание сливается с поверхностью компьютера. По этому полушарию течет, закругляясь в перспективу, окрестное лого.

Хиро это кажется эротичным. Отчасти потому, что уже пару недель у него не было женщины. Но дело не только в этом. Отец Хиро, чье подразделение многие годы стояло в Японии, был одержим камерами. Он привозил их из всех командировок на Дальний Восток, а когда доставал, чтобы показать сыну, появление на свет объективов и линз из-под множества наслоений черной кожи и нейлона, ремешков и молний напоминало изысканный стриптиз. И когда наконец оголялись эти воплощения чистой геометрии, такие мощные и одновременно такие хрупкие, Хиро мысленным взором неизменно видел, как поднимается подол юбки, расходится кружевное белье, внешние губы, внутренние губы... Тогда он чувствовал себя нагим, слабым и храбрым.

Линза «рыбий глаз» способна видеть ту половину вселенной, которая находится над компьютером, включая большую

часть самого Хиро. Поэтому она, как правило, может уследить за движениями Хиро и засечь, в какую сторону он смотрит.

В недрах компьютера три лазера: красный, зеленый и синий. Все дают яркий свет, но недостаточно мощный, чтобы прожечь глазное яблоко, вскипятить мозг, поджарить передние доли – короче, устроить тебе лазерную лоботомию. Как все учили в начальной школе, комбинируя эти три цвета в различной интенсивности, можно получить все оттенки, какие способен уловить человеческий глаз.

Узенький луч любого цвета через «рыбий глаз» посылается из внутренностей компьютера в практически любом направлении. Отражаясь от электронных зеркал внутри компьютера, этот луч ходит взад-вперед по очкам Хиро, почти так же, как луч электронов в кинескопе. Получающееся в результате изображение повисает перед глазами Хиро, накладываясь на Реальность.

Генерируя несколько отличные друг от друга изображения для каждого глаза, компьютер делает общую картинку трехмерной. Изменяя ее семьдесят два раза в секунду, он заставляет ее двигаться. Если нарисоватьдвигающееся трехмерное изображение с разрешением 2К пикселей на дюйм, его можно сделать настолько резким, насколько способен воспринять глаз, а если гнать через маленькие наушники цифровой стереозвук, движущееся трехмерное изображение обретает реалистичный саундтрек.

Поэтому Хиро вовсе не в жилом блоке «Мегакладовки». Он в генерируемой компьютером вселенной, которую компьютер ему рисует и гонит через наушники. На сленге это воображаемое место называется «Метавселенная». Хиро много времени проводит в этом мире. Куда до него «Мегакладовке».

Хиро приближается к Стриту. Это Бродвей, Прадо и Елисейские поля Метавселенной. Зеркальное отражение этого ярко освещенного бульвара в миниатюре проецируется на линзы его очков. Пусть в Реальности Стрит не существует, в данный момент по нему разгуливают миллионы людей.

Параметры Стрита фиксированы протоколом, выработаны сверхниндзя-вождями от компьютерной графики из Ассоциации глобального мультимедийного протокола. Грандиозное кольцо Стрита охватывает по экватору черную сферу с радиусом чуть больше тысячи километров. Получается, что длина Стрита равна 65 536 километров, иными словами, намного больше окружности планеты Земля.

Число 65 536 крайне неудобно для всех, кроме хакера, которому оно роднее и ближе, чем дата рождения собственной мамочки: так уж вышло, что это 2 на 2 в шестнадцатой степени, и даже экспонента 16 – это всего лишь два в четвертой степени, а 4 – два во второй. Наряду с 256 , $32\,768$ и $2\,147\,483\,648$, $65\,536$ – один из краеугольных камней мироздания хакера, в котором 2 – единственно важное число, ведь столько цифр способен распознать компьютер. Одна из них – 0 ,

другая – 1. Хакер моментально распознает любое число, которое можно получить, самозабвенно умножая два на два и временами вычитая единицу.

Как и любая область в Реальности, Стрит подлежит застройке. Подрядчикам разрешается прокладывать собственные улочки, отходящие от основного бульвара. Они могут возводить здания, разбивать парки, вешать вывески, а также создавать то, чего в Реальности не существует: к примеру, световые шоу в небесах, особые кварталы, где не действуют правила трехмерного пространственно-временного континуума, и зоны боев без правил, куда люди приходят выслеживать и убивать друг друга.

Все как в Реальности, но следует помнить, что на самом деле Стрит не существует, это просто протокол компьютерной графики, записанный где-то на бумаге, и стоящие тут здания физически никто не строил. Они – программы, доступ публики к которым открыт по мировой оптоволоконной сети. Когда Хиро, войдя в Метавселенную, смотрит на Стрит и видит уходящие в черноту и исчезающие за горизонтом ряды небоскребов и неоновых вывесок, он смотрит на графические отображения – пользовательские интерфейсы – несметного числа различных программ, принадлежащих крупным корпорациям. Чтобы поместить на Стрит свою собственность, корпорации нужно получить добро АГМП, добыть разрешение на районирование, подмазать инспекторов и т.д., и т.п. Все деньги, выложенные корпорациями на по-

стройку своих зданий на Стрите, уходят в трастовый фонд, которым заправляет АГМП, а та из этих средств оплачивает апгрейд и обслуживание генерирующих Стрит компьютеров.

Хиро принадлежит дом в квартале, лежащем чуть в стороне от самой деловой части Стрита, так называемого Центра. По местным меркам это очень старый квартал. Лет десять назад, когда еще только писался протокол Стрита, Хиро с приятелями, купив в складчину одну из первых лицензий на застройку, создали квартал хакеров. В то время это был просто лоскут света посреди бескрайней черноты. Тогда сам Стрит представлял собой лишь цепочку фонарей по окружности черного шара в пустоте.

С тех пор квартал хакеров изменился мало – в отличие от Стрита. Рано вложив деньги, друзья Хиро намного опередили основную застройку. Кое-кто на этом даже разбогател.

Вот почему в Метавселенной у Хиро классный дом, тогда как в Реальности ему приходится делить на двоих жилой блок 20 на 30. Прозорливость в риелторском бизнесе необязательно распространяется на все вселенные.

Небо и земля тут черные, как компьютерный экран, на котором пока ничего не нарисовано. В Метавселенной вечная ночь, а Стрит всегда сияет ослепительными огнями, точно Лас-Вегас, освободившийся от ограничений, налагаемых законами физики и финансов. Но в районе Хиро все отличные программисты, поэтому здесь все построено со вкусом. Дома похожи на настоящие дома. Есть парочка копий шедев-

ров Фрэнка Ллойда Райта и несколько изысканных викторианских особняков.

Ступив на Стрит, неизменно испытываешь шок: все тут кажется в миллю вышиной. Это Центр, самый застроенный освоенный участок. Если пройти пару сотен километров в том или ином направлении, полоса застройки станет постепенно сужаться, пока не сойдет на нет, и останется только тонкая цепочка фонарей, отбрасывающих круги белого света на черный бархат псевдоземли. Но Центр – это десяток Манхэттенов, нагроможденных один на другой и расшитых цветным неоном.

В реальном мире – на планете Земля, в Реальности, – живет не то шесть, не то десять миллиардов человек. В любой данный момент большинство из них обжигает кирпичи из ила или чистит в полевых условиях свои АК-47. Возможно, у миллиарда из этих шести или десяти хватит денег на компьютер – у этой категории денег больше, чем у всех остальных, вместе взятых. Из этого миллиарда потенциальных владельцев компьютеров не больше четверти дают себе труд действительно его завести, а из этой четверти только четверть владеет машинами настолько мощными, чтобы поддерживать протокол Стрита. Получается, что в любой данный момент на Стрите могут находиться около шестидесяти миллионов человек. Прибавьте еще приблизительно шестидесять миллионов, которые на самом деле позволить себе этого не могут, но все равно сюда являются – входят с публич-

ных терминалов или компьютеров, принадлежащих школе или работодателю. Иными словами, в любой данный момент по Стриту разгуливает население Нью-Йорка, умноженное на два.

Вот почему тут такая суeta. Поместите на Стрит здание или хотя бы вывеску, и ее до конца своих дней будут видеть сто миллионов самых богатых, самых стильных и самых влиятельных людей на свете.

В ширину Стрит около ста метров, а по самой его середине проходит монорельс. Монорельс – бесплатная общественная утилита, позволяющая пользователям легко и быстро перемещаться по Стриту. Множество зевак просто катается по ней взад-вперед, осматривая достопримечательности. Когда десять лет назад Хиро впервые попал в это место, монорельс еще не написали. Чтобы попадать из одного места в другое, ему и его друзьям пришлось написать проги машин и мотоциклов. Они выводили свои симуляции на Стрит и гоняли на них в черной пустыне электронной ночи.

И.В. не раз имела удовольствие лицезреть, как какой-нибудь зеленый «клинт», рискнувший совершить несанкционированный ночной вояж, ныряет головой вперед в пустой бассейн ЖЭКа. Вот только обрушивались «клинты» всегда на скейте, но чтобы в машине... Ночной город полон чудес, надо только дать себе труд их увидеть.

Снова на доске. А та катится под гору на колесах с программным управлением марки «Смартколеса РадиКС Марк IV» – смартколесах для посвященных. Она апгрейдила свою доску на означенные волшебные звездочки, после того как прочла в журнале «Трэшер» следующее объявление:

РАСКАТАННЫЙ ФАРШ

Вот что вы увидите в зеркале, если катите на паршивой доске с тупыми фиксированными колесами и интерфейсом: глушители, запаски, экскременты, сбитых животных, карданный вал, шпалу и даже потерявшего сознание пешехода.

Если вы считаете, что это маловероятно, значит, вы слишком долго катались по заброшенным пакгаузам. Все эти и многие другие препятствия были недавно замечены на отрезке «Скоростной магистрали Нью-Джерси» длиной всего в милю. Любой серфер, который пытался ворчать, что «смартколеса» – это, дескать,

извращение базовой модели, давно уже выблевал себе мозги.

Не слушайте так называемых пуристов, которые утверждают, будто через любое препятствие можно перепрыгнуть. Профессиональные курьеры знают: если вы запунили быстроходный транспорт ради бизнеса и развлечений, время на реакцию у вас сокращается до десятых долей секунды – даже меньше, если вы выпустили трос.

Но «Смартколеса РадиКС Марк IV» гораздо дешевле, чем полная пластика лица, и гораздо круче. «Смартколеса» задействуют сонар, лазерную дальнометрию и радар на миллиметровой волне, чтобы определять глушители и прочий мусор еще до того, как их заметите вы.

Не экономьте на себе – прокачайтесь сегодня.

Золотые слова. И.В. колеса купила. Каждое колесо состоит из втулки со множеством крепких шипов. Каждый шип выдвигается на пять секций. На конце шипа – крепящаяся на шарнире квадратная опора с резиновой ступней. Когда колесо вращается, опоры встают на землю одна за другой, почти сливаясь в единую шину. Если прокатываешься по кочке, шипы втягиваются, чтобы пройти над ней. Если пролетаешь над выбоиной, умные шипы пломбируют ее асфальтовые глубины. Поэтому любой удар амортизируется, и ника-

кие сотрясения и вибрации не передаются ни на доску, ни на высокие «Конверсы», в которых по ней переступают. Объявление правду сказало: без «смартколес» нельзя быть профессиональным серфером автодорог.

Своевременная доставка пиццы – суший пустяк. Без усилий соскользнув по влажному от росы газону на подъездную дорожку, И.В. разгоняется на бетоне и скатывается по склону на улицу. Движением таза переориентировав доску, она катит теперь по Хоумдейл-мьюс в поисках жертвы. Мимо с визгом проносится, грозно моргая мигалкой, черная машина – охотится на злополучного Хиро Протагониста. «Рыцарское забрало», особые гоглы ночного видения со множеством всяких примочек, стратегически темнеет, приглушая пагубный резкий свет; зрачки И.В. – ведь опасности нет никакой – остаются расширенными, выискивают малейшее движение. Двор с бассейном расположен на самой высшей точке этого ЖЭКа, улицы тянутся по склонам, только вот угол этих склонов слишком мал.

В полуквартале на боковой улочке, трогаясь с места, скрежещет четыремя жалкими цилиндрами малолитражка. Сейчас этот минивэнчик – по диагонали от ее координат на настоящий момент. Вспыхивают на мгновение белым задние фары, когда водитель делает ход конем, переключая передачу. Нацелившись на бордюр, И.В. запрыгивает на него почти на скорости бега: шипы «смартколес» все видят заранее и втягиваются, как нужно, поэтому она без рывка переезжа-

ет с асфальта на газон. По траве «ступни» оставляют шестиугольные следы. Случайная собачья фекалия, от неусваиваемого пищевого красителя красная, как сырое мясо, теперь украшена рельефным логотипом «РадиКС», зеркальное отражение которого набито на «ступню» каждого шипа.

На противоположной стороне улицы малолитражка трогается от обочины. Скребнут о бордюр подкрылки. Здесь ведь ЖЭК, тут изо дня в день надо сдирать о бетон свою тачку, притирая ее к бордюру, иначе рискуешь пасть жертвой социального остракизма или вспышки массовой истерии, если припаркуешься на пару дюймов дальше («Все в порядке, мам, я могу пройти отсюда до тротуара»), – ах, машина посреди улицы, угроза дорожному движению, смертельная опасность для неуверенных в себе юных велосипедистов! И.В. нажимает на кнопку «пуск» на блоке, служащем одновременно рукоятью и затягивающим барабаном, и выпускает таким образом с метр троса. Потом раскручивает этот трос с магнитом на конце так, что он со свистом рассекает воздух, будто кривой длинный нож боло. Вот она так сейчас разтак эту вшивую тачку! Головка гарпуна размером с салатницу кружит по орбите у нее над головой. Необходимости в этом нет, но звук клевый.

Для того чтобы запунить малолитражку, нужно побольше сноровки, чем способен вообразить себе пешак: в ней ведь нет ни стали, ни еще каких железосодержащих материалов, «Магнапуну» почти не к чему прилепиться. Теперь уже при-

думали сверхпроводниковые пуны, которые липнут к алюминиевым поверхностям, индуцируя вихревой ток в кузов машины и превращая ее – против воли владельца – в электромагнит, но у И.В. такого нет. Они – отличительный знак закоренелых серферов по ЖЭКам, а она, невзирая на сегодняшнее приключение, к ним не относится. Ее пун цепляется только за сталь, железо или (едва-едва) никель. Единственная сталь в малолитражке этой марки – в шасси.

И.В. надвигается исподтишка. Орбитальная плоскость ее пуна теперь повернута на девяносто градусов и образует диск, почти стоящий на земле, который ободом едва не взбивает поблескивающий асфальт. Когда она резко нажимает кнопку «пуск», головка вылетает с высоты чуть больше сантиметра над землей, через улицу несется уже под небольшим углом вверх и – алле оп! – прилепляется к днищу малолитражки. Надежно схватилось. Настолько, насколько вообще можно надежно схватить эту туманность из воздуха, обивки, краски и маркетинга, называемую «семейный минивэн».

Реакция водителя мгновенна и, по меркам ЖЭКов, остроумна. Водитель желает избавиться от И. В. Мама-вэн срывается с места, точно накачанный гормонами бык, которого только что уколола в зад шипастая пика пикадора. И за рулем не мама. Это юный жеребчик, который, как и всякий тинейджер в ЖЭКе, с тех пор как ему стукнуло четырнадцать, каждый день на обеденной перемене колол себе конский тестостерон в школьной раздевалке. Так он и превратился в

глупого и абсолютно предсказуемого качка.

Ведет он беспорядочно: искусственно накачанные мускулы плохо его слушаются. От литого, под кожу бордового рулевого колеса пахнет мамочкиным лосьоном для рук; это доводит его до иступления. Малолитражка то прыгает вперед, то замедляет ход, поскольку он качает педаль газа, будто насос: ведь если просто вдавить ее в пол, то кажется, что нет никакого эффекта. Вот если бы тачка была как его мускулы: сил девать некуда. А так она его только сковывает. Ладно, идем на компромисс: он нажимает на кнопку «МОЩНЫЙ РЕЖИМ». Выскакивает и гаснет другая кнопка, та, на которой значится «ЭКОНОМИЧНЫЙ РЕЖИМ», напоминая ему – этакое наглядное пособие, – что эти два понятия исключают друг друга. Включается понижение передачи, и крохотный моторчик урчит и кажется более мощным. Жеребчик все давит и давит на газ, и на прямой по Коттедж-Хейтс-роуд минивэн разгоняется до ста километров в час.

А в самом конце Коттедж-Хейтс-роуд, где она под прямым углом упирается в проспект Белльвуд-вэлли, Жеребчик издалека замечает пожарный гидрант. В КВВ пожарные гидранты многочисленны (в целях безопасности и эргономического дизайна – в целях увеличения стоимости участков) – никаких тебе приземистых чугунных колонок с клеймом какого-нибудь богом забытого литейного цеха времен промышленной революции, мохнатых от сотен слоев шелушащейся муниципальной краски. Здесь гидранты медные,

и во вторник утром их полируют роботы. Эти благообразные трубы поднимаются прямо из совершенного, химически выращенного дерна на газонах ЖЭКов, а наверху расходятся на три стороны, предлагая потенциальным пожарным меню из трех ниппелей для шлангов. Эти гидранты и ниппели к ним начертили на экранах компьютеров те же эстетсы, которые спроектировали динамо-викторианские дома, и изящные почтовые ящики, и громадные мраморные столбы с названиями улиц, точно надгробия, высящиеся на всех перекрестках. Да, да, спроектированные на компьютере, но с оглядкой на очарование позабытого прошлого. Пожарные гидранты, которыми люди с тонким вкусом могли бы гордиться и рады были бы видеть на своих газонах. Гидранты, которые не вызывают у риелторов желания стереть их с рекламных фотографий домов.

Этот проклятый курьер сейчас получит по заслугам, сдохнет, завязавшись узлом на таком гидранте. Тестостероновый Жеребчик об этом позаботится. Такой маневр он видел по телевизору – а тот никогда не лжет! – этот трюк он сотни раз, практикуясь, проделывал в воображении. Набрав максимальную скорость на Коттедж-Хейтс-роуд, он рывком поставит тачку на ручник и одновременно вывернет руль. Зад минивэна развернет. Сверхпрочный трос, как хлыст, дернет этого надоедливого гада вперед. Он полетит в гидрант. Жеребчик выйдет победителем и с триумфом покатит по Белльвуд-вэлли в большой мир взрослых на крутых тачках, и ни-

что не помешает ему вернуть давно уже просроченную кассету «Воины Плота IV: Последняя битва».

И.В. всего этого не знает наверняка, только подозревает. Это не реальность, а ее реконструкция психологической ситуации в малолитражке. Гидрант она заметила за милю, увидела и то, что Жеребчик положил руку на ручник. Все так очевидно. Ей даже жаль Жеребчика и людей его сорта. Она выпускает трос и дает ему провиснуть. Жеребчик тем временем выворачивает колесо, дергает ручник. Минивэн заносит юзом, он пролетает мимо гидранта и вовсе не дергает курьера так, как хотел Великий воин. И.В. придется ему помочь. Передние колеса все крутятся, тачку разворачивает задом, и вот тогда И.В. резко вытягивает трос, преобразуя этот подарок в виде углового ускорения в линейную скорость, и в результате пулей проносится мимо минивэна, двигаясь быстрее мили в минуту. И.В. держит курс на мраморное надгробие, надпись на котором гласит: «ПРОСПЕКТ БЕЛЛЬВУД-ВЭЛЛИ». Наехав на него, да под таким жутким углом, что едва не касается рукой асфальта, она отталкивается от мрамора, резко при этом свернув, и шипы, чмокнув о надгробие, выталкивают ее на нужную улицу. Одновременно она отключает магнитное поле, удерживающее ее пун на шасси минивэна. Упав, насадка волочится по земле следом, вытягиваясь на тросе к рукояти. С фантастической скоростью И.В. несется прямо к выходу из ЖЭКа.

У нее за спиной раздается похожий на взрыв грохот, да

такой, что вибрацией отдается в груди — это минивэн боком врезался в надгробие.

Проскользнув под воротами секьюрити, И.В. ныряет в поток машин, проскакивает между двумя резко уходящими с дороги, гудящими и визжащими «БМВ». Водители «БМВ» без колебаний предпринимают обходной маневр, подражая водителям «БМВ» в рекламных роликах; вот как они убеждают себя, что их не обобрали при сделке. И.В. скорчивается на доске как эмбрион, чтобы проскользнуть под полуприцепом, нацеливается на бетонный блок разделительной полосы, будто решила покончить жизнь самоубийством, но такие литые блоки «смартколесам» не помеха. По низу таких блоков идет удобный уступ, словно специально спроектированный для серферов автодорог. Разогнавшись на нем, И.В. прыгает и, изменив угол, мягко приземляется на асфальт по ту сторону. Вот она, тачка, ей даже не нужно бросать пун, достаточно протянуть руку и положить магнит прямо на крышку багажника.

Водитель со своей судьбой смирился: не дергается и ей не досаждают. Он довозит ее до самого входа в следующий ЖЭК, а именно до «Белых Колонн». Тут все в стиле Старого Юга, кругом традиции, явно один из ЖЭКов Апартеида. Над воротами большой вычурный указатель: «ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИНЫХ РАС ПОДВЕРГНУТСЯ ОБРАБОТКЕ».

У И.В. есть виза в «Белые Колонны». У нее есть виза куда

удобно. Виза прямо у нее на груди, в крохотной планке бар-кода. Лазер сканирует планку, когда она во весь опор под-летает ко входу, и иммиграционные ворота распахиваются. Это вычурная кованая штукавина, но у вечно спешащих жи-телей «Белых Колонн» нет времени бесцельно сидеть у входа в ЖЭК, глядя, как с августейшей медлительностью откаты-вается в сторону створка ворот, поэтому створка укреплена на электромагнитной «рельсовой пушке».

И вот уже И.В. скользит по шоссе «Белые Колонны», об-рамленному рядами деревьев, одна микроплантация сменя-ет другую, а ведь И.В. все еще идет на остаточной кинетиче-ской энергии, порожденной топливом в баке юного Жереб-чика.

Мир полон мощностей и энергии, малой толики которых хватит, чтобы ой как далеко добраться!

В окошке на коробке пиццы горит 29:32, и заказавший ее тип – мистер Коротышка и его соседи, кланы Розовые Сердца и Круглозады – собрались на переднем газоне своей микроплантации, празднуя преждевременную победу. Слов-но только что купили выигрышный билет в лотерею. От их входной двери открывается отличный вид до самой Оаху-роуд, и они прекрасно видят, что там нет ничего, что хо-тя бы отдаленно напоминало пиццамобиль «Коза Ностры». Смотрите, кто едет! Чванливый интерес к курьеру с большой квадратной штукой под мышкой: может, портфолио, макет нового рекламного объявления для белого супрематиста от

маркетинга с соседней плантации. Но...

Коротышки, Розовые Сердца и Круглозадые, все как один, пялятся на И.В. с отвисшей челюстью. У нее как раз хватает остаточной энергии, чтобы свернуть на их подъездную дорожку. Инерция закатывает ее на самый верх. Остановившись между «акурой» мистера Коротышки и малолитражкой миссис Коротышки, она спрыгивает с доски. Заметив отсутствие И.В., шипы выравниваются, цепляются за наклонную дорожку, не давая доске покатиться назад.

С небес на них обрушивается сноп ослепительного света. «Рыцарское забрало» не дает ей ослепнуть, но клиенты преклоняют колени и втягивают головы в плечи, словно свет ложится на них тяжким грузом. Мужчины закрывают лбы волосатыми локтями, поворачивают из стороны в сторону огромные карикатурные торсы, бормоча друг другу комментарии, краткие теории относительно источника света, так сказать, всецело контролируют неведомый феномен. Женщины ахают и охают. Благодаря магическому действию «Рыцарского забрала» И.В. все еще видит цифры в окошке LED: 29:54. Именно они и светятся, когда она бросает пиццу на руки мистеру Коротышке.

Таинственный свет гаснет.

Остальные все еще слепы, но И.В. через «Рыцарское забрало» смотрит в ночь – на сей раз в инфракрасном свете – и видит источник сияния: на высоте тридцати футов завис над соседским домом черный вертолет «стелс» с двухлопаст-

ным пропеллером. У ребят есть стиль: на вертолете никаких прибаамбасов или рисунков, это вам не бригада новостей. Впрочем, вон и журналюги: еще один вертолет, по старинке слышимый и весь в ярких оборочках самых новых логотипов, уже гулко ухает и жужжит над воздушным пространством «Белых Колонн», поливая плантации светом собственного прожектора и надеясь первым заполучить эту крутую сенсацию: пицца доставлена с опозданием, полнометражный фильм в одиннадцать; позднее: наш собственный корреспондент строит теории о том, где остановится Дядюшка Энцо, когда совершит свой принудительный вояж в нашу Стандартную Статистическую Область Метрополии. Но черный вертолет висит без огней; он был бы почти невидим, если бы не инфракрасный хвост, вырывающийся из двух реактивных турбин.

Это вертолет мафии, посланный сюда исключительно для того, чтобы заснять сенсацию на видео пленку и лишить мистера Коротышку аргументов в суде, реши он потащить свое дело в «Судопроизводство Судьи Боба» и потребовать бесплатной пиццы.

И еще одно. Сегодня ночью в воздухе полно всего: ветер из Фресно принес, наверное, несколько мегатонн почвы, и, появляясь, лазерный луч на удивление четок. От вертолета к груди И.В. протягивается ровная геометрическая линия, точно миллион ярких красных зерен нанизали на оптоволоконную нить. А потом линия раздвигается, превращаясь в

узкий треугольник красного света, основание которого упирается в торс И.В.

На все уходит полсекунды. Они сканируют все бар-коды, закрепленные у нее на груди. Выясняют, кто она такая. Теперь мафия знает об И.В. все: где она живет, чем занимается, цвет ее глаз, состояние банковского счета, генеалогическое древо и группу крови.

Покончив с этим, вертолет кренится, поворачивает и исчезает, точно хоккейная шайба в миске с тушью. Мистер Коротышка отпускает какую-то шуточку о том, как близка была победа, остальные услужливо смеются, но И.В. не слышит слов – все заглушает громовое уханье вертолета журналюг, а затем мир вокруг замирает, как на моментальном снимке, и кристаллизуется – это во двор мистера Коротышки упирается прожектор. В ночном воздухе полно мошкары, теперь И.В. видит всех насекомых, кружащих таинственными боевыми порядками, готовящихся к путешествию на людях и в воздушных потоках. Ей на запястье садится комар, но она не собирается его прихлопывать.

Прожектор на мгновение задерживается. Квадрат коробки с логотипом «Коза Ностра» – безмолвное свидетельство произошедшего. На всякий случай ролик все же снимают.

И.В. становится скучно. Она встает на доску. Расправляясь, округляются колеса. Проведя доску шатким слаломом меж машин, она выезжает на улицу. Луч прожектора следует было за ней, наверное, просто нагоняя метраж. Видео пленка

дешева. Никогда не знаешь, что может оказаться полезным, поэтому можно и заснять то, что видишь.

Люди этим на жизнь зарабатывают. Те, кто занят информационным бизнесом. Такие, как Хиро Протагонист. Они много знают или просто ходят и все кругом снимают на пленку. Потом складывают в Библиотеку. Когда кто-то хочет получить то, что знают они, или посмотреть их видеопленки, им платят деньги и сгружают из Библиотеки нужное или просто покупают не глядя. Забавная афера, но сама идея И.В. нравится. Обычно ЦРК не обращает внимания на курьеров. Судя по всему, у Хиро с ними договор. Может, ей удастся договориться с Хиро. Потому что И.В. знает уйму любопытных мелочей.

И одна из них: мафия теперь перед ней в долгу.

Подходя к Стриту, Хиро видит, как две молодые пары, вероятно, вышедшие с родительских компьютеров на двойное свидание в Метавселенной, выбираются из Porta Ноль, иными словами, из местного порта входа, он же остановка монорельса.

Разумеется, перед ним не реальные люди. Все это часть анимированной интерактивной картинки, нарисованной его компьютером согласно спецификациям, сгруженным по оптоволоконному кабелю. Люди здесь – программы, называемые «аватары». Этими аудиовизуальными «телами» люди пользуются для общения в Метавселенной. Аватар Хиро тоже сейчас на Стрите, и, если пары, сходящие сейчас с монорельса, посмотрят в его сторону, они его увидят, как видит их он. Они могут говорить: Хиро, сидящий в «Мегакладовке» возле ЛАКСа, и четверо тинейджеров, которые, вероятно, сидят сейчас на диване на окраине Чикаго, каждый с собственным ноутбуком на коленях. Но такое едва ли случится: им не о чем здесь разговаривать друг с другом, так же как они не станут разговаривать друг с другом и в Реальности. Эти дети из приличных семей не захотят разговаривать с одиноким полукровкой с отличным, специально под него написанным аватаром с двумя мечами за спиной.

Ваш аватар может выглядеть как угодно, его ограничива-

ют только возможности вашего компьютера. Если вы безобразны, аватар можете сделать красивым. Если вы только что встали с постели, ваш аватар все равно стильно одет и макияж наложен профессионально. В Метавселенной вы можете быть гориллой, драконом или гигантским говорящим пенисом. Погуляйте пять минут по Стриту, и вы все это увидите.

Аватар Хиро выглядит просто как Хиро, за одним исключением: что бы ни носил Хиро в Реальности, его аватар всегда облачен в черное кожаное кимоно. Большинство хакеров чураются слишком броских аватаров, поскольку знают, что для реалистичного отображения человеческого лица требуется гораздо больше таланта и умения, чем для говорящего пениса. Точно так же те, кто действительно знает толк в одежде, смогут оценить мелкие детали, отличающие дешевый серый шерстяной костюм от дорогого, сшитого на заказ серого шерстяного костюма.

В Метавселенной нельзя материализоваться в любом месте по собственному выбору, спустившись по лучу с заоблачных высот, будто Капитан Кирк в «Стартреке». Это сбивало бы окружающих с толку. Это разрушило бы метафору. Материализация из ниоткуда или исчезновение назад в Реальность считаются глубоко личными функциями организма аватара, отправлять которые лучше всего в уединении вашего собственного Дома. Большинство аватаров сегодня прописаны со всеми анатомическими подробностями и в первый раз по написании появляются в чем мать родила, поэто-

му, прежде чем выйти на Стрит, следует придать себе пристойный вид, если, конечно, вы не эксгибиционист или вам наплевать.

Если вы жалкий работяга, не имеющий своего Дома, к примеру, человек, выходящий с общественного терминала, то материализуетесь в Порту. Вдоль Стрита существует 256 Экспресс-портов, равномерно расположенных с интервалом в 256 километров по окружности сферы. Эти интервалы разделены еще 256 раз на Локальные порты, расстояние между которыми ровно один километр (проницательные ученые, интересующиеся семиотикой хакеров, отметят навязчивое повторение числа 256, которое представляет собой 2 в восьмой степени, и даже 8 выглядит довольно пикантно, поскольку само по себе – сплошная двойка: два в квадрате, умноженное еще на два). Порты функционально аналогичны аэропортам: через них попадаешь в Метавселенную из какого-то иного места. Материализовавшись в Порту, можно пойти по Стриту, прыгнуть в вагон монорельса или еще что-нибудь.

Парочкам, сходящим с монорельса, заказные аватары не по карману, и сами себе такую написать они тоже не умеют. Поэтому аватары у них покупные. У одной из девиц, впрочем, довольно симпатичная. Среди модниц из конструктора она даже считалась бы стильной. Похоже, девчонка купила «Конструкторский набор аватаров» и из различных блоков состряпала себе собственную модель, подогнав ее по своему вкусу. Возможно, она даже отчасти похожа на владелицу. И

парень ее неплохо выглядит.

Вторая девчонка – «Брэнди». А ее парень – «Клинт». «Брэнди» и «Клинт» – популярные готовые модели. Собираясь на свидание в Метавселенную, белые школьницы из бедных семей неизменно бегут в отдел компьютерных игр ближайшего универмага и покупают себе копию «Брэнди». Пользователь может выбрать три размера груди: неправдоподобный, невозможный и абсурдный. Репертуар выражений лица у «Брэнди» ограничен: очаровательная и обидчивая, очаровательная и пылкая, очаровательная и мечтательная, дерзкая и любопытная, улыбающаяся и чуткая. Ресницы у нее в полдюйма длиной, но программа настолько дешевая, что отображаются они единой полосой, точно скол эбонита. Когда «Брэнди» хлопает глазками, кажется, вот-вот подует ветер.

«Клинт» – мужской вариант «Брэнди». Грубовато-красивый, а диапазон выражений лица ограничен еще больше.

Хиро праздно спрашивает себя, как вообще оказались вместе эти две пары. Они явно из различных социальных слоев. Может быть, старшая пара и их брат с сестрой? Но вот они спустились с эскалатора и, исчезнув в толпе, влились в Стрит, где «Клинтов» и «Брэнди» хватит, чтобы образовать новую этническую группу.

На Стрите сегодня довольно оживленно. Большинство гуляющих – американцы и азиаты, ведь в Европе еще раннее утро. Из-за преобладания американцев толпа кажется без-

вкусной и несколько сюрреалистичной. Поскольку у азиатов сейчас середина дня, они расхаживают в темно-синих костюмах. У американцев же время вечеринки, и выглядят они... ну, на что способен их компьютер.

Как только Хиро переступает черту, отделяющую его квартал от Стрита, со всех сторон к нему, словно мухи на сбитого зверька, слетаются разноцветные фигуры. В квартале Хиро анимированной рекламе доступа нет. Но на Стрите дозволено все, что угодно.

Пролетающий мимо штурмовик вспыхивает вдруг ярким пламенем, теряет высоту и, увеличиваясь в размерах, несется прямо на Хиро – со скоростью в два раза большей скорости звука. Пропахав носом Стрит в пятидесяти футах перед Хиро, штурмовик разлетается на части и взрывается, превращаясь в соцветье обломков и проводов, и все это поглощает пламя, которое бежит по мостовой и наконец обволакивает Хиро. Теперь вокруг него сплошь огненные вихри – отличная симуляция и проработка первый сорт.

Потом шоу застывает, и перед Хиро материализуется мужчина. Типичный хакер: высокий, худощавый, пытающийся придать себе веса, натянув объемистую шелковую ветровку с логотипом крупного парка аттракционов в Метавселенной. Хиро знает этого типа: бывало, они то и дело сталкивались на хакерских конах. Вот уже два года он пытается нанять Хиро.

– Хиро, никак не возьму в толк, чего ты упрямишься? Мы

же деньги делаем – конгбаксы и йены, понимаешь? И система оплаты у нас гибкая, и с амфетамином проблем не будет. Мы сейчас делаем одну игрушку в духе «меча и магии», и парень с твоими дарованиями нам был бы очень кстати. Приезжай, поговорим, идет?

Хиро шагает прямо сквозь симуляцию, и та исчезает. Парки аттракционов в Метавселенной – просто фантастика, они предлагают большой выбор интерактивных трехмерных фильмов. Но, в конце концов, это всего-навсего видеоигры. Хиро пока еще не настолько опустился, чтобы писать видеоигры для этой компании. Она принадлежит японцам, что не так уж и страшно. Но и управляют ею японцы, а это значит, все программисты обязаны носить белые рубашки, появляться на рабочем месте в восемь утра и сидеть в закутках, а еще ходить на совещания.

Когда Хиро учился писать код, а было это пятнадцать лет назад, хакер мог сам написать программу целиком. Сегодня такое уже невозможно. Программы производят на огромных фабриках, и программисты, кто в большей, кто в меньшей степени, превратились в рабочих у конвейера. Или, хуже того, стали менеджерами, у которых и руки до написания кода не доходят.

Перспектива стать конвейерным рабочим дает Хиро достаточный стимул пойти сегодня на поиски по-настоящему жареной инфы. Он пытается накрутить себя, вырваться из летаргии долгого безделья. Информация – дело, может, и вы-

годное, если только имеешь нужные знакомства. А уж у него-то связей хоть отбавляй. Нужно взяться за ум. Взяться за ум. Взяться за ум. Но так трудно относиться серьезно к чему бы то ни было.

Он должен мафии новую машину. Веская причина взяться за ум.

Перейдя Стрит под самым монорельсом, он направляется к большому приземистому черному зданию. По меркам Стрита, оно до крайности невыразительное, словно участок, который почему-то забыли освоить. Это приземистая черная пирамида с обрубленной верхушкой. Дверь здесь только одна; поскольку все в Метавселенной воображаемое, нет никаких предписаний, диктующих число запасных выходов. Тут нет ни охраны, ни вывесок, ничего, что помешало бы людям войти, и тем не менее у входа толкуются тысячи аватаров, заглядывая внутрь в надежде хоть что-то увидеть. Эти люди не могут войти, потому что их не пригласили.

Над дверью в стену вплавлена черная полусфера диаметром в метр – единственное архитектурное украшение здания, а под ней – прямо на фасаде, вырезана надпись «ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ».

Ну и пусть это далеко не шедевр архитектуры. Когда ДаБид, Хиро и остальные хакеры создавали «Черное Солнце», у них не было денег на архитекторов или дизайнеров, поэтому они взяли простые геометрические фигуры. Аватарам, толкущимся у входа, похоже, все равно наплевать...

Будь эти аватары реальными людьми на реальной улице, Хиро ни за что бы не добрался до входа. Слишком плотная толпа. Но у компьютерной системы, заведующей Стритом, есть дела поважнее, чем отслеживать каждого отдельного человека из бывающих тут миллионов, пытаясь помешать им столкнуться друг с другом. Компьютер даже не утруждает себя решением этой невероятно сложной задачи. На Стрите люди могут попросту проходить сквозь друг друга.

Поэтому когда Хиро прорезает толпу, он делает это в буквальном смысле слова. Когда в одном месте случается затор, система все упрощает, делая аватары прозрачными, поэтому видишь, куда идешь. Самому себе Хиро кажется плотным, а все остальные – призраками. Через толпу он идет как сквозь туман, ясно видя перед собой усеченную пирамиду «Черного Солнца».

Вот он переступает через границу земельной собственности и оказывается в дверном проеме. В это мгновение его аватар уплотняется и становится видимым для тех, кто топчется у входа. И все аватары разом заходятся криком. Они понятия не имеют, кто он такой, не знают, что перед ними, черт побери, полуголодный стрингер ЦРК, живущий в «Мегакладовке» возле аэропорта. Но во всем мире есть только пара тысяч людей, которые могут переступить черту и войти в «Черное Солнце».

Обернувшись, он смотрит на десять тысяч вопящих неудачников. Теперь, когда он один стоит в дверном про-

еме, когда он уже не тонет в водовороте аватаров, он с кристальной ясностью видит всех стоящих в первом ряду. Все эти самые буйные и безумные, самые причудливые и вычурные аватары надеются, что Да5ид, владелец и главный хакер «Черного Солнца», пригласит их войти. Они мерцают и сливаются в стену истерии. Поразительно красивые женщины, вылизанные компьютером и отретушированные на семидесяти двух фреймах в секунду, точно ставшие вдруг трехмерными развороты «Плейбоя», – это актрисы, ждущие, чтобы их заметили. Безумные абстракции, торнадо свивающихся спиральями огней – хакеры, мечтающие, что Да5ид заметит их талант, позовет их к себе, даст им работу. Обильная россыпь черно-белых личностей – это те, кто входит в Метавселенную с дешевого общественного терминала и потому отображены подергивающимся черным и белым зерном. Многие из этих черно-белых – заурядные психопаты-фэны, одержимые фантазией заколоть избранную ими на роль жертвы актрису; в Реальности они и на ярд подойти к ней не могут, поэтому входят в Метавселенную, чтобы вдосталь повыслеживать жертву. Есть тут и рок-неудачники в одеждах из лазерного света, будто они только что сошли со сцены после концерта, и аватары японских бизнесменов, изысканно отображенные сложным оборудованием, но в своих костюмах до крайности сдержанные и скучные.

И есть тут один черно-белый, выделяющийся тем, что выше всех остальных. Протокол Стрита определяет, что ава-

тар не может быть выше, чем ее владелец в Реальности. Как еще помешать гигантоманам создавать себе тела-небоскребы? Впрочем, если этот тип вышел с общественного терминала – а судя по качеству изображения, так оно, похоже, и есть, – он не смог бы растянуть аватар. Поэтому он, пусть и довольно скверно, отображает внешность каланчи. Говорить с черно-белым на Стрите – все равно что болтать с человеком, который, уткнувшись лицом в ксерокс, раз за разом нажимает на кнопку «пуск», а ты стоишь у лотка и по одному вынимаешь листы.

У него длинные волосы, разделенные на прямой пробор и открывающие татуировку на лбу. Учитывая скверное разрешение, разобрать ее нет никакой возможности, но она, по-видимому, состоит из слов. Еще у него жидкие висячие усы а-ля Фу Манчу.

Хиро вдруг понимает, что этот тип его заметил и теперь рассматривает с головы до ног, особое внимание уделяя мечам.

По лицу черно-белого расплывается улыбка. Удовлетворенная улыбка. Узнающая улыбка. Улыбка человека, которому известно что-то, чего не знает Хиро. Черно-белый стоит, сложив руки на груди, словно ему скучно, словно он чего-то ждет, а теперь его руки опускаются по швам, свободно висят от плеч – так расслабленно стоят иногда атлеты. Подойдя как можно ближе, он наклоняется вперед; он настолько высок, что за ним не видно ничего, кроме пустого чер-

ного неба, разорванного светящимися выхлопами анимированной рекламы.

– Эй, Хиро, – говорит черно-белый, – хочешь попробовать «Лавину»?

Случается, те, кто ошивается перед «Черным Солнцем», болтают самые странные вещи. Их попросту игнорируют. Но эта фраза привлекает внимание Хиро.

Первая странность: черно-белому известно имя Хиро. Впрочем, есть немало способов выудить такую информацию. Это, вероятно, еще ничего не значит.

Вторая странность: эта фраза слишком похожа на зазывание пушера. Перед баром в Реальности такое вполне естественно. Но здесь ведь Метавселенная. В Метавселенной наркотики не толкнешь, поскольку нельзя словить кайф на чем-то, только на него глядя.

Странность третья: название наркотика. Хиро никогда раньше о нем не слышал. Впрочем, в этом нет ничего необычного: каждый год изобретают тысячи новых наркотиков и каждый из них продают под сотней различных наименований.

Но «Лавина» – это уже компьютерный сленг и означает «сноукрэш». Иными словами, крах системы, а также вирус, который, пробираясь в самую операционку, бьет на фрагменты ту ее часть, которая контролирует поток электронов на монитор. И тогда тот бешено мечется по экрану, превращая упорядоченную матрицу пикселей в бессмысленные завих-

рения статики. Хиро миллион раз такое видел. Крайне нетипичное название для наркотика.

Но больше всего Хиро цепляет уверенность черно-белого. Тот словно островок спокойствия в этом море истерии. Будто говоришь с астероидом. Что было бы неплохо, если бы его слова имели хоть малую толику смысла. Хиро пытается прочесть подсказку по лицу типа, но чем внимательнее он присматривается, тем больше дрянной черно-белый аватар распадается на подергивающие пиксели. Словно прижимаешь носом к экрану сломанного телевизора. Даже зубы гудят.

– Прошу прощения, – говорит Хиро. – Что вы сказали?

– Хочешь попробовать «Лавину»?

У черно-белого резкий акцент, принадлежность которого Хиро не может определить. Аудио у него не лучше, чем видео: когда черно-белый открывает рот, Хиро слышит шум проезжающих у него за спиной машин. Наверное, вошел с какого-то терминала у трассы.

– Не понимаю, – говорит Хиро. – Что такое «Лавина»?

– Наркотик, кретин, – отвечает черно-белый. – А ты что подумал?

– Подождите-ка. Я такого не знаю. Вы что, правда думаете, я дам вам здесь денег? И что мне потом делать, ждать, пока вы перешлете мне товар почтой?

– Я сказал попробовать. Не купить, – говорит черно-белый. – Тебе не нужно за него платить. Первая доза бесплатно. И почты ждать не нужно. Попробовать можно прямо

здесь.

Он достает из кармана гиперкарточку.

Выглядит она как визитка. Гиперкарточка – разновидность аватара. В Метавселенной ею пользуются для передачи некоторого объема информации. Это может быть гипертекст, аудио, видео, вообще любая информация, какую можно представить в цифровом формате.

Представьте себе личную карточку бейсболиста: на ней имеется фотография, пара строчек текста и какие-нибудь статистические данные. Личная гиперкарточка бейсболиста может вместить видеозаписи пары-тройки матчей, показанных на великолепном, совершенно плоском экране, исчерпывающую биографию, зачитанную самим игроком в цифровом стереозвуке, и полную статистическую базу данных со специальной прогой, которая поможет вам отыскать нужные цифры.

Гиперкарточка может быть носителем практически неограниченного объема информации. На эту вот вполне могут уместиться все книги из Библиотеки Конгресса, или вся «Санта-Барбара» целиком, или все записи Джими Хендрикса, или перепись населения планеты за 1950 год.

Или – что более вероятно – обширная коллекция пакостных компьютерных вирусов. Если Хиро возьмет у черно-белого карточку, то данные с нее будут перенесены из его системы в компьютер Хиро. Разумеется, Хиро ни при каких обстоятельствах к ней не прикоснется, ведь только послед-

ний дурак возьмет у незнакомца на Таймс-сквер шприц, чтобы воткнуть его себе в шею.

И все равно в этом нет никакого смысла.

– Это гиперкарточка. Так ты вирус мне подсовываешь? А я-то решил, что ты наркотик толкаешь, – говорит окончательно сбитый с толку Хиро.

– Ну да, – отвечает черно-белый. – Попробуй.

– Он мозги вытряхивает? Или компьютер?

– И то и другое. И ни то ни другое. Какая разница?

До Хиро наконец доходит, что он только что потратил шестьдесят секунд своей жизни на бессмысленный разговор с параноидальным шизофреником. Повернувшись к нему спиной, он входит в «Черное Солнце».

На выезде из «Белых Колонн» стоит черная машина, при-
таилась, точно пантера, в начищенной стали отражается ло-
готип Оуха-роуд. Это Передвижной Модуль Летучего На-
ряда «Метакопы Анлимитед». На дверце закреплён сереб-
ряный значок, хромированный полицейский значок разме-
ром с обеденную тарелку, на котором значится название этой
частной миротворческой организации и слова:

**НАБЕРИТЕ 1-800-КОПЫ
ПРИНИМАЮТСЯ КРЕДИТНЫЕ КАРТОЧКИ
ВСЕХ КРУПНЫХ КОМПАНИЙ**

«Метакопы Анлимитед» – официальные силы безопасно-
сти «Белых Колонн», а также «Конюшен Виндзорских Вы-
сот», «Высот у Медвежьей Тропы», «Коричной Рощи» и
«Ферм Клеверной Долины». А еще они следят за выполне-
нием правил дорожного движения на всех трассах и шоссе,
принадлежащих «Кати Пути, Инк.». Их услугами пользуют-
ся также несколько разных ФОКНаГов, к примеру: «Кайма-
ны-Плюс» и «Альпы». Но франшизные государства предпо-
читают держать собственные силы безопасности. Стоит ли
говорить, что «Метазания» и «Новая ЮАР» сами следят у
себя за порядком; туда граждане идут лишь для того, чтобы
завербоваться в спецназ. Надо думать, своя служба безопас-

ности есть и у «Новой Сицилии». «Наркоколумбии» служба безопасности не нужна, потому что люди попросту боятся проезжать мимо ее франшизы со скоростью меньше ста миль в час (И.В. всегда отхватывает классную скоростную тачку в районах, пестрящих наркоколумбийскими консульствами), а «Великий Гонконг мистера Ли», прародитель всех ФОКНаГов, решает проблему на типично гонконгский манер – с помощью роботов.

Главный конкурент «Метакопов» – «Секьюрити Мировой Дозор» – обслуживает все дороги, принадлежащие «Кати Пути», плюс держит контракты по всему миру с «Традиционалистами Дикси», «Плантацией Пикетта», «Радужными высотами» (побывайте в них – два расистских ЖЭКа и один для «людей в черном»), «Заливные луга [название реки вставьте по своему усмотрению]», и «Станция Кирпичный завод». «Мировой Дозор» меньше, чем «Метакопы», контракты держит более элитные и, предположительно, имеет агентурную сеть – хотя если кому-то нужно именно это, они просто связываются с представителем Центральной Разведывательной Корпорации.

А еще существуют «Стражи Порядка», но они недешево стоят и плохо относятся к контролю со стороны работодателя. Ходят слухи, что под формой они носят футболки с неофициальным гербом своей организации: кулак, сжимающий утяжеленную полицейскую дубинку с выгравированной на ней надписью «ТАК ПОДАЙ НА МЕНЯ В СУД».

И вот И.В. катит по пологому склону к тяжелым железным воротам «Белых Колонн», ожидая, что они распахнутся. И ждет, и ждет, и ждет – но ворота и не думают открываться. И лазерный лучик не бьет из будки охраны, чтобы выяснить, кто приехал. Система заблокирована. Будь И. В. дурой, она подошла бы к метакопу и спросила почему. Метакоп сказал бы тогда: «Безопасность города-государства», и ничего больше.

Ох уж эти ЖЭКи! Ох уж эти города-государства! Такие маленькие, такие пугливые, что любой пустяк – скажем, если вы не подстригаете газон или слишком громко врубаете музыку – становится делом государственной безопасности.

И никакой возможности миновать забор – в «Белых Колоннах» он восемь футов по всему периметру, выкованный роботами чугуна. Подкатив к воротам, И.В. хватает решетку и пытается ею погромить, но та слишком большая и тяжелая.

Метакопам не позволено прислоняться к своему мобилу – так они выглядели бы ленивыми и слабыми. Они могут почти прислоняться, могут делать вид, будто всю облокачиваются на свою тачку, но прислоняться им запрещено. А кроме того, полное поблескивающее великолепие Личного Переносного Снаряжения, висящего на Личной Модульной Сбруе, поцарапало бы лак мобиля.

– Подключи ворота к коммерции, приятель. Меня клиенты ждут, – заявляет И.В. метакопу.

В задней части Передвижного Модуля раздается чмокающий хлопок, однако недостаточно громкий, чтобы считаться

выстрелом. Это мягкий «хлюп» тянучки, затягиваемой через язычок, свернутый в трубочку. Это приглушенная отрывка младенца. Что-то укалывает И.В. в руку, сжимающую прут решетки, и И.В. ощущает жар и холод одновременно. Она едва может шевельнуть рукой. Пахнет вином.

С заднего сиденья Передвижного Модуля вылезает напарник метакопа. Окно в задней двери Модуля было опущено, но внутри все такое черное и блестящее, что это становится ясно, только когда отодвигается дверь. Верхняя часть лиц метакопов скрыта глянцевыми черными шлемами и очками ночного видения, а нижняя расплывается в ухмылке. И вылезает второй метакоп с Проектором Химических Наручников Близкого Действия – с соплепушкой. Уловка копов сработала. И.В. не пришло в голову навести «Рыцарское забрало» на заднее сиденье, чтобы проверить, нет ли там сопленейпера.

Расправившись на воздухе, химсопли достигают размера футбольного шара. Несколько десятков миль тончайших крепких волокон, перепутанных, как спагетти. Вместо соуса у этих спагетти какое-то липкое вещество, текучее только в тот момент, когда выстреливает соплепушка, а потом быстро отвердевающее.

Метакопам пришлось взять такие штуки на вооружение, потому что каждая франшиза настолько мала, что погоня в ней попросту невозможна. Преступник – почти всегда ни в чем не повинный трэшник – обычно в трех секундах езды

на скейте от убежища соседнего ФОКНаГа. К тому же невероятный объем Личной Модульной Сбруи – просто канделябр какой-то, учитывая, сколько на него повешено, – настолько замедляет движения метакопов, что прохожие просто складываются пополам от смеха всякий раз, когда они пытаются бежать. Поэтому вместо того чтобы сбросить пару фунтов, метакопы просто навешивают на свою сбрую новые примочки, к примеру соплешушки.

Волокнистые сопли облепили ей кисть и руку, примотав их к прутьям решетки. Излишки соплей провисли и стекли вниз, но уже застывают, превращаясь в резину. Несколько отскочивших от решетки спагетти налипли ей на плечи, грудь и подбородок. И.В. отходит от решетки, клейкое вещество отделяется от волокон, растягиваясь на длинные, бесконечно тонкие нити, точно горячий сыр моцарелла. И эти нити тоже немедленно застывают, становятся жесткими и обламываются, завиваясь спиральками. Теперь, когда она сорвала сопля с лица, все не так гадко, но рука у нее по-прежнему совершенно обездвижена.

– Сим, предупреждаем вас, что любое движение с вашей стороны без предварительного вербального разрешения с моей стороны может представлять для вас непосредственную физическую опасность, равно как вытекающую из нее психологическую опасность и, возможно, в зависимости от ваших религиозных верований, духовный риск, вытекающий из вашей реакции на означенную физическую опас-

ность. Любое движение с вашей стороны будет истолковано как подразумевающееся и не имеющее обратного действия согласие на этот риск, – говорит первый метакоп. На поясе у него висит небольшой динамик, из которого бормочет синхронный перевод на испанский и японский.

– Или, как мы говорили раньше, – добавляет второй метакоп, – ни с места, придурок!

Непереводимое слово резонирует из маленького громкоговорителя, произнесенное как «эль-дурко» и «и-ду-ю-ки».

– Мы полномочные представители «Метакопов Анлимитед». Согласно Разделу 24.5.2 Свода законов «Белых Колонн», мы уполномочены осуществлять действия полиции на данной территории.

– Например, цепляться к невинным трэшникам, – говорит И.В.

Метакоп выключает громкоговоритель.

– Заговорив по-английски, вы косвенно и безвозвратно соглашаетесь на то, что все наши дальнейшие переговоры будут вестись на английском языке, – сообщает он.

– Вы даже не въезжаете, что И.В. говорит, – говорит И.В.

– Вы были идентифицированы как Фокус Расследования Зарегистрированного Криминального События, предположительно имевшего место на территории иного государства, а именно в «Конюшнях Виндзорских Высот».

– Это другая страна, приятель. Здесь ведь «Белые Колонны»!

– Согласно положениям Свода законов «Конюшен Виндзорских Высот» мы уполномочены приводить в действие законы, положения, касающиеся национальной безопасности и общественного равновесия, также и на означенной территории. Договор между «Конюшнями Виндзорских Высот» и «Белыми Колоннами» уполномочивает нас временно взять вас под арест до тех пор, пока не будет решен вопрос о вашем статусе как Фокуса Расследования.

– Попалась, детка, – переводит второй метакоп.

– Поскольку ваше поведение было отмечено как неагрессивное и при вас нет видимого оружия, мы не уполномочены предпринимать героические меры для обеспечения вашего содействия, – говорит первый метакоп.

– Будешь паинькой – и мы будем паиньками, – говорит второй.

– Однако мы экипированы устройствами, включающими, но не ограничивающимися стрелковым оружием, которое, будучи задействовано, может представлять крайнюю и непосредственную опасность для вашего здоровья и благосостояния, – продолжает первый.

– Только дернись, и мы тебе башку прострелим, – поясняет второй.

– Да отцепите мою руку, мать вашу, – устало говорит И. В. Все это она слышала уже миллион раз.

Как и в большинстве ЖЭКов, в «Белых Колоннах» нет ни тюрьмы, ни полицейского участка. Это так непригляд-

но, так снижает стоимость домов в анклав! И подумайте о том, какие это наложит обязательства. У метакопов по соседству есть франшиза, служащая им штаб-квартирой. А что до тюрьмы, уродливого здания для содержания какого-нибудь сбившегося с пути хабеас корпус, так его ни одна уважающая себя франшиза держать не станет.

И.В. везут в Передвижном Модуле. Руки ей сковали наручниками, и спасибо, что спереди. Одна рука все еще наполовину залеплена соплями и так сильно воняет вином, что обоим метакопам пришлось опустить окна. Остальные спагетти тянутся футов на шесть по полу Модуля, свисая за дверь на мостовую. Метакопы не особенно спешат: катят себе по средней полосе, не считая ниже своего достоинства то тут, то там содрать штраф за превышение скорости – они же на своей территории. Завидев их, мотоциклисты сбрасывают скорость, испытывая разумный ужас от одной только мысли о том, что придется остановиться и полчаса выслушивать предупреждения, отводы, рекламу и запутанный бюрократический сленг. Иногда, полыхая оранжевыми огнями, мимо проносится по левому ряду доставка «Коза Ностры», и тогда копы делают вид, будто ничего не заметили.

– Ну и куда тебя везти? В «Кутузку» или в «Тюрягу»?

– В «Кутузку», пожалуйста, – говорит И.В.

– В «Тюрягу»! – Второй метакоп поворачивается к ней, с усмешкой пялясь через пуленепробиваемое стекло и наслаждаясь своей властью.

Когда они проезжают мимо «Купи и Кати», весь салон машины внезапно освещается. Поболтайся на стоянке «Купи и Кати», загорись почище, чем на пляже. Потом придет «Мировой Дозор» и тебя арестует. От этого яркого света, призванного внушить чувство безопасности, на ветровом стекле Модуля на мгновение вспыхивают стикеры «Визы» и «Мастеркард».

– У И.В. карточка есть, – говорит И.В. – Сколько будет стоит соскочить?

– С чего это ты себя зовешь деревом? – Как большинство придурков, он неверно истолковал ее имя.

– Не ива. И.В., – говорит первый метакоп.

– Вот так И.В. и зовут, – говорит И.В.

– Но я же это и имел в виду. Ива.

– И.В., – говорит первый, с таким упором на «В», что на лобовое стекло летят брызги слюны. – Дай-ка угадаю... Иоланда Вашингтон?

– Нет.

– Ивонна Веллингтон?

– Нет.

– Тогда от чего это сокращение?

– Ни от чего.

На самом деле это сокращение от «Искренне Ваша», но если они не в состоянии сами сообразить, то пошли они.

– Тебе это не по карману, – говорит первый метакоп. – Ты же тут пошла против КВВ.

– Мне и не нужно официально отмыться. Я могла бы просто сбежать.

– Это Модуль высшего разряда. Побег в меню не предусмотрены.

– Знаешь что, – говорит второй, – ты заплатишь нам триллион баксов, а мы отвезем тебя в «Кутузку». Тогда с ними попытаешься сторговаться.

– Полтриллиона, – говорит И.В.

– Семьсот пятьдесят миллиардов, – говорит метакоп. – Последнее слово. Надо же, сидит тут в наручниках и торгуется.

Открыв молнию на бедре, И.В. достает чистой рукой из кармана комбинезона кредитную карточку, проводит ею по прорези в спинке переднего сиденья и снова убирает в карман.

С виду «Кутузка» новая. И.В. видела отели с номерами гораздо хуже, чем здесь камеры. Вывеска с логотипом: кактус сагуаро в заливчатски насаженной на верхушку черной ковбойской шляпе – чистая и новенькая.

КУТУЗКА

Заключение и заточение по высшему разряду
Принимаем автобусами!

На стоянке пара машин метакопов, а чуть дальше припаркован еще и огромный автобус «Стражей Порядка» с карцером, обитым для удобства задержанных поролоном. Это заставляет метакопов задуматься. Стражи Порядка для ме-

такопов все равно что соединение «Дельта» для «Корпуса мира». Метакопы против Стражей Порядка – все равно что «Корпус мира» против соединения «Дельта».

– Одну зарегистрировать, – говорит второй метакоп, когда они втроем уже стоят в приемной, где стены увешаны подсвеченными вывесками, с каждой из которых смотрит какой-нибудь десперадо Дикого Запада. Бессмысленно пялится со своего портрета Энни Окли, призванная служить И.В. образцом для подражания. Стойка регистрации в деревенском стиле. Все служащие носят ковбойские шляпы, а вместо бейджей – пятиконечные звезды, на которых выгравированы их имена. В задней стене – дверь с решеткой из милых сердцу старомодных чугунных прутьев. Помещение за ней похоже на операционную. Длинная череда маленьких камер с изогнутыми стенами и полом, со стенами, плавно переходящими в потолок и пол, будто фабричные душевые кабинки – если уж на то пошло, камеры выполняют эту функцию тоже, потому что душ тут принимаешь посреди комнаты. Яркий свет сам выключается в одиннадцать вечера. Телевизор, в который нужно бросать мелочь. Непрослушиваемая телефонная линия. И.В. ждет не дождется.

Нацелив на И.В. сканер, ковбой за стойкой считывает ее бар-код. На графическом экране возникает около сотни страниц личной жизни И.В.

– Ага, – говорит он. – Женщина.

Метакопы обмениваются взглядами, словно говоря: надо

же, гений, такому никогда не стать метакопом.

– Извините, ребята, но у нас все битком. Для женщин сегодня мест нет.

– Да ладно тебе.

– Видели автобус на задней стояке? Заваруха во «Вздремни и Кати». Наркоколумбийцы толкнули подпорченную партию «Головокружения», там все как с цепи сорвались. Стражи Порядка послали полдюжины нарядов, нам привезли человек тридцать. Поэтому у нас все забито. Может, в «Тюряге» есть места.

И.В. такое совсем не по нутру.

Метакопы снова запикивают ее в машину, включают подавление шума на заднем сиденье, так что она не слышит ничего, кроме бурчания в своем пустом желудке и влажного хруста, стоит ей шевельнуть облепленной соплями рукой. Она и впрямь надеялась на ужин в «Кутузке» – «чили у лагерного костра» или «бандитские бургеры».

На переднем сиденье переговариваются метакопы. Вот они выезжают на трассу. Впереди квадратный подсвеченный логотип, черным по белому – гигантский Код Универсального Продукта, а ниже – «КУПИ И КАТИ».

На тот же столб, чуть ниже «Купи и Кати», приварен другой указатель, поменьше, узкая полоска непатентованного шрифта: «ТЮРЯГА».

Ее везут в «Тюрягу». Сволочи. Скованными руками И.В. бьет по стеклу, оставляя на нем липкие отпечатки. Пусть эти

гады попытаются смыть собственные сопли. Оба оборачиваются и смотрят прямо сквозь нее; знают, подонки, что виноваты, и потому делают вид, будто что-то слышали, но не могут взять в толк что.

Модуль въезжает в пятно радиоактивного синего света секьюрити вокруг «Купи и Кати». Второй метакоп выходит поговорить с мужиком за стойкой. Толстый белый мальчишка в бейсболке «Новой ЮАР» с флагом Конфедерации над козырьком покупает журнал о грузовиках-монстрах. Подслушав их, мальчишка выглядывает из окна в надежде увидеть настоящего преступника. Из задней комнаты выходит второй мужчина, той же этнической группы, что и первый: еще один смуглый с горящими глазами и тонкой шеей. У этого в руках папка о трех кольцах с корпоративным логотипом «Купи и Кати». Чтобы отыскать менеджера франшизы, не нужно напрягать глаза, разбирая надпись на бейдже, достаточно углядеть того, у кого папка.

Переговорив с метакопом, менеджер кивает, потом достает из стола связку ключей.

Летающей походкой второй метакоп подходит к машине и резко распахивает заднюю дверь.

– Заткнись, – говорит он, – иначе я тебе рот соплями залеплю.

– Как хорошо, что тебе нравится «Тюряга», – отвечает И.В., – поскольку именно там ты и окажешься завтра вечером, сопливый стрелок.

– Неужели?

– Ага. За мошенничество с кредитными карточками.

– Я коп, ты трэшник. И как ты собираешься представлять свое дело «Судопроизводству Судьи Боба»?

– Я работаю на «РадиКС». Мы своих защищаем.

– Только не в этот раз. Сегодня ты увезла с места происшествия пиццу. Сбежала с места аварии. Тебе в «РадиКС» велели доставить пиццу?

И.В. воздерживается от ответного огня. Метакоп прав: «РадиКС» не давала ей задания доставить пиццу. Она это сделала из каприза.

Метакоп дергает ее за руку, и все тело И.В. дергается следом. Менеджер бросает на нее безразличный взгляд – только для того, чтобы удостовериться, что она действительно человек, а не мешок с мукой, мотор или пень. А потом ведет их всех через зловонные зады «Купи и Кати», мрачные владения отвратительного мусора в переполненных баках. Он открывает заднюю дверь, скучную стальную дверь с царапинами по краям, будто ее пытались открыть звери с железными когтями.

И.В. ведут в подвал. Первый метакоп, который идет следом, без нужды ударяет ее доской о дверные проемы и грязные стойки для бутылок с минеральной водой.

– Лучше заберите у нее форму... тут столько примочек, – похотливо советует второй метакоп.

Менеджер смотрит на И.В., стараясь не давать грешному

взгляду жадно скользить вверх-вниз по ее телу. Тысячи лет эти люди выживали лишь за счет бдительности: ждали, когда из-за горизонта появятся скачущие монголы, ждали, когда вышедшие после отсидки уголовники наведут на них обрезы через прилавок. В настоящий момент эту мучительную для менеджера бдительность можно почти потрогать руками. Он словно сгусток горячего нитроглицерина. Дополнительный намек на сексуальные домогательства и нарушение должностных обязанностей только ухудшают ситуацию. Менеджеру не до шуток.

И.В. пожимает плечами, стараясь измыслить что-нибудь сбивающее с толку и эксцентричное. На этой стадии ей положено протестовать, визжать и съезживаться, корчиться и скулить, падать в обморок или умолять. Они угрожают отобрать у нее одежду. Какой ужас! Но она не расстраивается, поскольку знает, чего они от нее ждут.

Курьеру нужно расчистить себе пространство на трассе. Предсказуемое, законопослушное поведение убаюкивает водителей. Мысленно они предписывают тебе самую незначительную клеточку, малолитражку в медленном ряду, и предполагают, что, если ты от нее отцепишься, тебе с потоком движения не совладать.

И.В. терпеть не может ни малолитражки, ни клеточки. И.В. расчищает себе место, величественным зигзагом переходя с одной полосы на другую, создавая прецедент пугающей хаотичности. Заставляет встречных держаться насторо-

же, заставляет их реагировать на нее, а не наоборот. А теперь эти типы желают затолкать ее в клеточку, вынудить следовать правилам.

Одним движением она расстегивает комбинезон до самого пупка. Под ним ничего, кроме незагорелого тела.

Метакопы поднимают брови.

А вот менеджер буквально отскакивает назад, поднимая руки, чтобы они, создав видимый заслон, защитили бы его от дискредитирующих данных на входе.

– Нет, нет, нет! – бормочет он.

Пожав плечами, И.В. снова застегивает молнию.

Она не боится, у нее есть дентата.

Менеджер пристегивает ее наручниками к канализационной трубе. Второй метакоп снимает свои новые кибернизированные наручники и нацепляет их назад, на сбрую. Первый метакоп прислоняет к стене ее доску, но так, чтобы она не могла до нее дотянуться. Пнув ногой ржавую банку из-под кофе, менеджер посылает ее И.В. в голень – иными словами, не желаете ли опорожниться?

– Ты откуда? – спрашивает И.В.

– Из Таджикистана. Джик. Следовало бы знать.

– Ну, наверное, у вас футбол банкой для говна – национальный вид спорта.

Менеджер не врубается. Метакопы механически смеются.

Подписываются бумаги. Все поднимаются вверх. Выходя из камеры, менеджер выключает свет; в Таджикистане все

экономят электричество.

И.В. в «Тюряге».

Внутри «Черное Солнце» – огромное, размером с два футбольных поля, положенных рядом. Дизайн минималистский: в воздухе плавают черные столешницы (пририсовывать к ним ножки было бы бессмысленно), подвешенные точно по координационной сетке. Как пиксели. Единственное исключение составляет середина зала, где сходятся четыре квадранта заведения (4 равно 2 во второй степени). Эту часть занимает круглый бар шестнадцати метров в диаметре. Все здесь матово-черное, на таком фоне компьютеру проще рисовать: не надо беспокоиться о том, чтобы заполнять сложный фон. К тому же при такой монохромной гамме все внимание сосредотачивается на аватарах, чего их владельцам и надо.

Какой смысл расхаживать в стильном аватаре по Стриту, где народу столько, что все гуляющие сливаются и перетекают друг через друга? Но «Черное Солнце» – программа куда более высокого класса. В «Черном Солнце» столкновения аватаров не допускаются. Число посетителей в каждый данный момент ограничено, и им не позволено проходить друг сквозь друга. Клиенты здесь тоже классом повыше – пенисов тут не встретишь. Напротив, аватары выглядят так, как их хозяева. И демоны тоже по большей части похожи на людей. «Демон» – термин из старого жаргона операционной си-

системы UNIX, где он означал утилитку нижнего уровня, программку, входящую в операционную систему. В «Черном Солнце» демон сродни аватару, но отображает он не человека. Демон – робот, который живет в Метавселенной. Можно сказать, он – дух, обитающий в машине и, как правило, выполняющий определенную функцию. В «Черном Солнце» имеется целый ряд демонов, которые смешивают и подают посетителям воображаемые напитки и выполняют мелкие поручения.

Тут есть даже демоны-вышибалы, которые избавляются от нежелательных элементов – хватают их аватары и выбрасывают за дверь, применяя к ним базовые принципы физического бытия аватаров. Да5ид даже несколько преувеличил законы физики в «Черном Солнце», сделав их более мультяшными, поэтому особенно надоедливых типов бьют по головам гигантские деревянные молотки или на них обрушиваются сейфы, и лишь затем за них берутся вышибалы. Такое случается с теми, кто мешает остальным, с любым, кто докучает знаменитостям или их подслушивает, с любым, кто кажется заразным. Иными словами, если ваш персональный компьютер заражен вирусами и пытается распространить их посредством «Черного Солнца», вам лучше посматривать на потолок.

Хиро бормочет слово «Топтун». Это название одной программки, которую он когда-то написал, – мощного подспорья для стрингера ЦРК. Проникнув в операционную систе-

му «Черного Солнца», «Топтун» просеивает информацию, а потом выбрасывает перед глазами Хиро плоскую карту, на которой отображено, кто здесь присутствует и кто с кем разговаривает. Все это неавторизованные данные, иметь которые Хиро не полагается. Но Хиро не какой-то там дешевый актеришка, пришедший сюда ради светского трепя. Он хакер. Если ему нужна информация, он выковыривает ее прямо из недр системы – так сказать, «сплетни от машины».

Согласно Топтуну, Да5ид уютно устроился на своем обычном месте, за столиком в Квадранте Хакеров возле стойки. В Квадранте Кинозвезд обычная россыпь властителей дум и тех, кто еще только желает пробиться. Квадрант Рок-звезд гудит как растревоженный улей: по сведениям Топтуна, сюда заглянул сегодня рэп-звезда из Японии Суши Кей. И множество типов от шоу-бизнеса в Японском Квадранте, который похож на все остальные, вот только в нем гораздо тише, столы висят ближе к полу, и тут и там кланяются вежливо трепетные демоны-гейши. По большей части в этом Квадранте осели, вероятно, менеджеры, юристы и пиарщики из свиты Суши Кей.

Пересекая Квадрант Хакеров, Хиро направляется к столику Да5ида. Многих по дороге он узнает, но, как обычно, удивлен и несколько встревожен числом тех, чьи лица ему незнакомы – лица двадцатилетних мальчиков на взлете. Разработка софта, как профессиональный спорт, просто создана для того, чтобы заставлять тридцатилетних мужчин чув-

ствовать себя дряхлыми старцами.

Да5ид погружен в разговор с черно-белым аватаром. Несмотря на отсутствие цвета и дерьмовое разрешение, Хиро узнает его по тому, как он складывает во время разговора руки, по тому, как встряхивает волосами, когда слушает Да5ида. Аватар Хиро застывает как громом пораженный и беспомощно смотрит на него с тем самым выражением, с каким Хиро глядел на эту женщину много лет назад. В Реальности он берет бутылку пива и, сделав глоток, дает жидкости покататься по языку – сгусток волн бьется в тесном пространстве.

Ее зовут Хуанита Маркес. Хиро познакомился с ней, когда они еще учились на первом курсе в Беркли. Они тогда оказались в одной лабораторной группе на физике. Когда он впервые увидел ее, у него сложилось впечатление, которое не менялось потом годами: угрюмая и замкнутая, синий чулок, которая одевается так, словно идет на собеседование на место бухгалтера в похоронной конторе. При всем этом язык у нее был что огнемёт – и огонь она могла открыть в самый неожиданный момент: обычно это бывало всесжигающее возмездие за какой-то мелкий промах или нарушение этикета, которых даже не заметили остальные первокурсники.

И только много лет спустя, когда они оба оказались на работе в «Черном Солнце Системс, Инк», он увидел другую ее сторону. В то время оба они занимались аватарами. Он – телами, она – лицами. Фактически она одна и была отделом

лиц, поскольку никому другому и в голову не приходило, что головы могут быть сколько-нибудь важны: их воспринимали просто как бюсты телесного цвета на плечах аватаров. И она была на полпути к тому, чтобы доказать, как отчаянно они ошибались. Но на той стадии исключительно мужское сообщество компьютерщиков, составлявшее верхушку «Черного Солнца Системс», считало проблему лиц тривиальной и поверхностной. Разумеется, это был просто сексизм, причем особенно ядовитая его разновидность, поскольку порождалась она технарями, искренне считавшими себя слишком умными, чтобы быть сексистами.

Компьютерщики воспринимали Хуаниту такой, какой увидел ее в первый раз семнадцатилетний Хиро. Тогда это была инстинктивная реакция едва вышедшего из подросткового возраста мальчишки с военной базы, который сам по себе жил уже целых три недели. Голова у него была дельная, разбирался он только в двух вещах: в самурайских фильмах и «макинтоше», но эти две вещи он понимал слишком уж хорошо. В таком мировоззрении места Хуаните Маркес не находилось.

Есть определенная разновидность маленьких городков, которые растут точно чирей на заднице каждого мальчишки с военной базы по всему миру. Все детство Хиро пролетело в таких местах, словно фильм на ускоренной перемотке. Хиро рос как тепличная орхидея-мутант, благоденствующая под светом охранных прожекторов тысяч «Купи и Кати». Отец

Хиро завербовался в армию весной сорок четвертого, шестнадцати лет от роду, и год провел на Тихом океане, в основном в лагерях для военнопленных. Хиро родился, когда его отцу было уже за пятьдесят. К тому времени отец давно уже ушел в отставку, но не знал, что ему с собой делать за пределами военной базы, поэтому остался в военном городке до конца восьмидесятых, пока его наконец не вышвырнули. Перед тем как сбежать в Беркли, Хиро успел пожить в Райтстауне, Нью-Джерси; Такоме, Вашингтоне, Фейетевилле, штат Северная Каролина; Хайнесвилле, штат Джорджия; Кайлине, штат Техас; Графенвеере, Германия; Сеуле, Корея; Огдене, штат Канзас; и Уотертауне, штат Нью-Йорк. Все военные городки были, по сути, одинаковы: с одними и теми же франшизными гетто, с теми же стрип-барами, и даже люди были те же самые — он то и дело сталкивался со школьными приятелями, с которыми когда-то учился, с другими детьми военных, которые служили в одно время на одной базе.

Хотя кожа у них была разного цвета, все они принадлежали к одной этнической группе: армия. Черные дети говорили не как черные дети. Азиатские мальчишки не рвали задницу, чтобы превзойти всех в учебе. Белые дети, в общем, без проблем дружили с черными или азиатами. Девчонки знали свое место. У них были одинаковые мамы с одинаковыми солидными задами в брюках в обlipочку и одинаковыми высветленными перманентами. Все эти мамы были милыми и привлекательными, всегда готовыми подбодрить и утешить,

а в случае если они оказывались умными, они изо всех сил это скрывали.

Поэтому когда Хиро впервые увидел Хуаниту, все его представления о другой половине человечества полетели в тартарары. У нее были длинные блестящие черные волосы, которые никогда не знали химической обработки, только регулярное мытье шампунем. Она не синила веки. Одежду носила темную, сшитую на заказ. И она никому не давала спуска, даже профессорам – в этой черте Хиро тогда видел сварливость и агрессию.

Когда по прошествии нескольких лет он увидел ее снова – за истекшие годы он успел поработать в Японии среди настоящих взрослых, к тому же людей более высокого социального слоя, чем тот, к какому он привык, людей, которые носили настоящую одежду и делали в своей жизни что-то стоящее, – то с удивлением осознал, что перед ним элегантная и потрясающе стильная красавица. Поначалу он решил, что это она подверглась каким-то радикальным переменам со времени их учебы в колледже.

Но потом он поехал навестить отца в военном городке и там столкнулся с первой красавицей своего выпускного класса. И был шокирован, увидев перед собой грузную даму с морковным перманентом, в кричащей одежде: она зачитывалась желтой прессой, стоя в очереди в кассу в продовольственном магазине базы, поскольку у нее не было лишних денег, чтобы их купить, щелкала жвачкой и обзавелась дву-

мя детьми, приструнить которых у нее не хватало сил или предусмотрительности.

Когда он увидел в продуктовом эту женщину, его наконец осенило запоздалое прозрение; нет, на него не снизошел яркий свет с небес, скорее это был бурый, тусклый отсвет полумертвого фонарика с вершины стремянки: Хуанита не так уж и изменилась за эти годы, просто выросла и стала сама собой. Это он изменился. Радикально.

Однажды он зашел в ее кабинет – исключительно по делу. До того времени они часто сталкивались в офисе, но оба делали вид, что никогда раньше не встречались. Но когда он пришел к ней в тот день, она попросила его закрыть за собой дверь и, погасив экран монитора, начала вертеть в руках карандаш, уставившись на него глазами цвета вчерашнего суши. На стене за ее спиной висел любительский портрет маслом: из лепной антикварной рамы с него смотрела старая дама. Это было единственное украшение кабинета Хуаниты. Все остальные хакеры вешали себе на стены плакаты с видами стартующих ракет или постеры звездолета «Интерпрайз».

– Это моя покойная бабушка, да помилует Господь ее душу, – сказала Хуанита, заметив, что он смотрит на портрет. – Мой образец для подражания.

– Почему? Она была программистом?

Хуанита только поглядела на него поверх вращающегося карандаша, словно хотела спросить: неужели млекопитающее может быть таким медлительным и при этом не зады-

хаться? Но вместо того чтобы обрушить на него громы и молнии, просто ответила:

– Нет.

А потом дала более пространный ответ:

– Однажды, когда мне было пятнадцать лет, у меня случилась задержка. Мы с моим парнем составляли графики, но я знала, что этот метод ненадежен. У меня всегда было хорошо с математикой, я твердо запомнила процент ошибок, он отпечатался у меня в подсознании. Или, может, в сознании – я всегда их путаю. Как бы то ни было, я пришла в ужас. Наш пес начал относиться ко мне по-другому: считается, собаки способны учуять беременную женщину. Или, точнее, беременную суку.

К тому времени на лице Хиро застыло настороженное, пораженное выражение, которое Хуанита потом сполна использовала в своей работе. Ведь разговаривая с ним, она наблюдала за его мимикой, анализировала то, как лицевые мышцы на лбу тянут вверх брови и заставляют глаза изменять форму.

– Моя мать ни о чем не подозревала. Мой парень и того хуже – если уж на то пошло, я тут же его бросила, потому что случившееся заставило меня понять, насколько он инопланетный тип – как многие представители вашей породы.

Последнее, очевидно, относилось к мужчинам вообще.

– А потом к нам приехала погостить моя бабушка, – продолжала Хуанита, оглянувшись через плечо на портрет. – Я

избегала ее до самого обеда. И тогда она минут за десять обо всем догадалась, просто понаблюдав за моим лицом за обеденным столом. Я и десяти слов не сказала: «Передайте тортильи» – и тому подобное. Не знаю, как мое лицо передало эту информацию или какая именно система нейронных связей в бабушкином мозгу позволила ей совершить этот невероятный подвиг. Сконденсировать факт из туманности нюансов.

«Сконденсировать факт из туманности нюансов». Хиро не смог забыть тона, которым она произнесла эти слова, чувства, охватившего его, когда он понял, как Хуанита в действительности умна.

А она продолжала:

– Я всего этого даже не оценила, пока не прошло лет, наверное, десять и я на последнем курсе пыталась написать пользовательский интерфейс, который быстро отображал бы огромное количество данных. Я тогда работала по рангу де-тоубийц. – Этим термином Хуанита называла все, относящееся к министерству обороны. – Я навывдумывала множество сложных технических примочек, к примеру, вживлять электроды прямо в мозг. А потом вспомнила бабушку, и меня осенило. О боже, человеческий мозг способен воспринять и переработать огромные объемы информации – если только она будет подана в подходящем формате. Если у нее будет подходящий интерфейс. Если дать ей подходящее лицо. Хочешь кофе?

Тут Хиро посетила ужасная мысль. Каким он был тогда в колледже? Каким же он был придурком! И какое же впечатление он, наверное, произвел тогда на Хуаниту?

Другой молодой человек мучился бы этим молча, но Хиро никогда не сдерживала необходимость слишком тщательно что-то обдумывать, поэтому он пригласил ее на обед и после пары коктейлей (она пила содовую) просто задал вопрос: «Как по-твоему, я придурок?»

Она рассмеялась. Он улыбнулся, считая, что нашел удачный ход для флирта.

Прежде чем он осознал, что этот вопрос был, по сути, краеугольным камнем их отношений, прошло несколько лет.

Считает ли Хуанита Хиро придурком? У него всегда находилась причина считать, что ответом на этот вопрос будет «да», но девять раз из десяти она настаивала на обратном. Из этого проистекали сногшибательные ссоры и сногшибательный секс, драматические расставания и страстные примирения, но в конечном итоге такие бурные чувства оказались не по плечу обоим: их изматывала работа, и они понемногу отдалились друг от друга. Он был измучен попытками понять, что она думает о нем на самом деле, и растерян, осознав, что ее мнение так для него важно. А она, возможно, считала, что раз уж Хиро так глубоко убежден, что он ее не стоит, то, может быть, знает что-то, что ей неизвестно.

Хиро списал бы все это на классовые различия, вот только ее родители жили в Мексикали, в доме с земляным полом,

а его отец зарабатывал больше, чем многие преподаватели колледжей. Но все равно идея классовых различий его не отпущала, потому что класс – это нечто большее, чем доход, это знание о том, где твое место в паутине социальных отношений. Хуанита и ее семья свое место знали – с такой полнотой и убежденностью, что они граничили с помешательством. Хиро этого о себе не знал. Его отец был главным сержантом армии США, а мать – корейкой из семьи рабов на шахтах Японии, и Хиро не мог сказать, негр он или азиат, или же просто сын полка, богат он или беден, образован или невежествен, талантлив или удачлив. У него не было даже местности, которую он мог бы называть домом, пока он не переехал в Калифорнию, что так же конкретно, как сказать, что живешь в Северном полушарии. Наверное, в конце концов их роман прикончило отсутствие у него жизненных ориентиров.

После разрыва Хиро перебрал длинную последовательность пустых девиц, на которых (в отличие от Хуаниты) производило впечатление то, что он работает на хай-тек фирму из Силиконовой долины. В последнее время ему приходилось искать женщин, произвести впечатление на которых еще проще.

Хуанита некоторое время хранила целибат, а потом начала встречаться с Да5идом и в конце концов вышла за него замуж. Он был из семьи русских евреев из Бруклина, которые вот уже семьдесят лет жили в том самом многоквартирном

доме, в котором поселились по приезду из латвийской деревни, где жили до того пятьсот лет. Положив на колени Тору, ДаБид мог проследить свою родословную до самых Адама и Евы. Он был единственным ребенком в семье, всегда и во всем был в своем классе первым, а когда получил диплом в Стэнфорде, основал собственную компанию, проделав это так же буднично, как отец Хиро нанимал очередной грузовик, когда их семья опять снималась с места. Потом ДаБид разбогател и теперь заправляет «Черным Солнцем». ДаБид всегда и во всем был уверен.

Даже когда стопроцентно ошибался. Вот почему Хиро уволился из «Черного Солнца Системс, Инк.», невзирая на обещания золотых гор в будущем, вот почему Хуанита развелась с ним через два года после того, как вышла за него замуж.

Хиро на свадьбе Хуаниты и ДаБиды не присутствовал. Он прохлаждался в камере, куда его затолкали через несколько часов после репетиции в церкви. Полиция забрала его из Парка Золотых Ворот, где, снедаемый любовью и одетый только в набедренную повязку, он, то и дело прикладываясь к громадной бутылке «курвуазье», практиковал атаки кендо настоящим самурайским мечом, проплывая над травой на мускулистых ногах, чтобы разрубить надвое взлетающие бейсбольные мячи и летающие тарелки других отдыхающих. Поймать мяч с дальнего броска, ловко располовинить его, как грейпфрут, – немалый подвиг. Единственный изъян в

том, что владельцы бейсбольного мяча могут неверно истолковать ваши намерения и вызвать полицию.

Вышел он из тюрьмы, заплатив за все бейсбольные мячи и летающие тарелки, но с того эпизода уже не трудился спрашивать Хуаниту, считает ли она его придурком. Теперь ответ известен даже Хиро.

С тех пор дороги их окончательно разошлись. В первые годы проекта «Черное Солнце» единственной зарплатой, которую могли платить хакеры другим хакерам – это раздавать самим себе акции. Хиро обычно продавал свои, как только получал. Хуанита – нет. Теперь она богата, а он – нет. Проще всего сказать, что Хиро был недальновидным инвестором, а Хуанита – прозорливым, но факты несколько сложнее. Хуанита рисковала всем, вкладывала все деньги в акции «Черного Солнца»; сложилось так, что на этом она сделала большие деньги, но ведь могла и разориться. А у Хиро в некотором смысле не было выбора. Когда его отец заболел, армия и Союз ветеранов взяли на себя оплату большей части счетов от врачей, но все равно родителям Хиро пришлось пойти на большие расходы, и мать Хиро, которая едва говорила по-английски, была не в состоянии сама зарабатывать деньги. Когда отец умер, Хиро обратил все свои акции «Черного Солнца» в наличность, чтобы поселить маму в симпатичной общине в Корее. Ей там нравится. Каждый день она ездит играть в гольф. Хиро мог бы оставить все деньги в «Черном Солнце» и в одночасье разбогатеть на десять миллионов, ко-

гда год спустя программа вышла на рынок, но тогда его матери пришлось бы жить на улице. Поэтому когда мать навещает его в Метавселенной, такая загорелая и счастливая в окружении приятельниц по гольф-клубу, Хиро видит в этом свое личное богатство. Квартплату этим богатством не заплатишь, ну и ладно. Пусть сам он живет в дыре, всегда ведь есть Метавселенная, а в Метавселенной Хиро Протагонист – принц-воин.

Язык у него покалывает. Тут Хиро понимает, что в Реальности забыл проглотить свое пиво.

Есть своя ирония в том, что Хуанита пришла в «Черное Солнце» в низкотехнологичном черно-белом аватаре. Это ведь она нашла способ заставить аватары проявлять подобие человеческих эмоций. Этот факт Хиро никогда не забывал, поскольку большую часть работы она завершила, еще когда они были вместе, и всякий раз, когда в Метавселенной аватар выглядит удивленным, разгневанным или страстным, он видит эхо самого или Хуаниты – Адама и Евы Метавселенной. Такое трудно забыть.

Вскоре после того как Хуанита и ДаБид развелись, «Черное Солнце» стартовало всерьез. Когда же хакеры закончили подсчитывать прибыли, сбывать сопутствующие программные пакеты и купаться в лести остальной общины хакеров, то осознали, что успех всему предприятию принесли вовсе не алгоритмы избежания столкновений, и не демоны-вышибалы, и не что-то иное. Успех ему принесли лица Хуаниты.

Достаточно спросить бизнесменов Японского Квадранта. Они приходят сюда поговорить начистоту с деловыми людьми со всего света и считают, что эти беседы ничем не хуже переговоров лицом к лицу. Слова они по большей части пропускают мимо ушей, в конце концов, многое ведь при

переводе теряется. Они обращают внимание на выражения лиц и язык жестов тех, с кем разговаривают. Вот откуда они знают, что творится в мыслях собеседника, — *конденсируют факт из туманности нюансов*.

Хуанита отказалась анализировать этот феномен, утверждая, что это нечто невыразимое, нечто, чего нельзя просто объяснить словами. У этой радикальной католички, вооруженной четками, проблем с данным феноменом не возникло, а вот компьютерщикам не понравилось. Они говорили, дескать, это иррациональный мистицизм. Поэтому она ушла работать на какую-то японскую компанию. У японцев нет проблем с иррациональным мистицизмом, который приносит им прибыль.

Но Хуанита больше не ходит в «Черное Солнце». Отчасти она обижена на Да5ида и остальных хакеров, не оценивших ее труд. А еще она решила, что вся эта затея — фальшивка. Что, как бы она ни была хороша, Метавселенная все равно искажает общение людей, а в своих отношениях она таких искажений не хочет.

Да5ид замечает Хиро, но подмигивает, показывая, что сейчас не самое подходящее время. Обычно столь трудноуловимый жест теряется в системном шуме статики, но у Да5ида очень хороший компьютер, и Хуанита помогала ему в написании аватара, поэтому его послание доходит — точно выстрел в потолок.

Отвернувшись, Хиро медленно фланирует вдоль кругло-

го бара. Большая часть шестидесяти четырех барных табуретов заняты типами от шоу-биза, разбившимися на кучки и занятыми тем, что они умеют лучше всего, – сплетнями и интригами.

– Поэтому я поехал к режиссеру на переговоры. У него есть этакий домик на пляже...

– Правда-правда?

– Не заводи меня.

– Я слышал. Деби была там на вечернике, когда он принадлежал Фрэнку и Митци.

– Ну да ладно, там есть одна сцена в самом начале, где главный герой просыпается в мусорном баке. Смысл в том, чтобы, ну сам знаешь, показать, в каком он безнадежном положении...

– Энергетика безумия...

– Вот именно.

– Замечательно.

– Мне тоже нравится. А вот он хочет заменить это сценой, в которой малый шастает по пустыне с базукой, взрывая старые машины на заброшенных свалках.

– Шутишь!

– Так вот, сидим мы в его чертовом патио на пляже, а он все «бах!» да «бах!», подражая своей треклятой базуке. Просто помешался на этой идее. Ты только подумай, этот мужик хочет загнать в фильм базуку. Ну, думаю, я его отговорил.

– Недурная сцена. Но ты прав. Базука – это совсем не то,

что мусорный бак.

Хиро останавливается ровно настолько, чтобы все это записать, а потом идет дальше. «Топтун»? – бормочет он себе под нос, вызывая магическую карту, и считывает имя сценариста. Позже он может покопаться в пресс-релизах шоу-биза, чтобы выяснить, над каким сценарием работает этот тип, и выудить имя режиссера, помешанного на базуках. Поскольку весь разговор попал к нему посредством компьютера, он только что записал беседу на аудио. Позднее он обработает запись, чтобы замаскировать голоса, а потом сгрузит в Библиотеку с перекрестной ссылкой на имя режиссера. Сотня начинающих сценаристов может, выйдя по ссылке на этот разговор, слушать его раз за разом, пока не заучит наизусть, и при этом они будут платить Хиро за такую привилегию. А несколько недель спустя офис режиссера затопит поток сценариев с базуками. БАХ!

Квадрант Рок-звезд настолько ярок, что слепит глаза. У аватаров рок-звезд такие хайеры, о каких реальные рок-звезды могут только мечтать. Хиро быстро оглядывается в поисках друзей, но сегодня здесь в основном паразиты и бывшие. Большинство людей, которых Хиро знает? – подражатели или будут ими. На Квадрант Кинозвезд смотреть легче. Актеры любят сюда приходить, потому что в «Черном Солнце» всегда выглядят так же классно, как на экране. И в отличие от бара или клуба в Реальности, чтобы попасть сюда, им не нужно покидать свой особняк, апартаменты в отеле, лыж-

ный курорт, кабину личного самолета или что там еще. Они могут красоваться и навещать друзей, не подвергая себя риску похитителей, папарацци, размахивающих сюжетами сценаристов, киллеров, бывших супругов, спекулянтов автографами, фэнов, психопатов, предложений руки и сердца или ведущих колонок сплетен.

Хиро сползает с барного табурета и возобновляет свой медленный обход, сканируя Японский Квадрант. Как обычно, тут полно типов в деловых костюмах. Кое-кто разговаривает с гринго от шоу-биза, зачастую именуемого попросту Индустрией. И значительная часть Квадранта в дальнем углу отделена временной ширмой.

Снова вызвать Топтуна. Прикинув, какие именно столики скрыты за ширмой, он начинает считывать имена. Единственное имя, которое он узнает сразу, принадлежит американцу: Л. Боб Райф, монополист кабельного телевидения. Громкое имя в Индустрии, хотя на людях он показывается редко. Райф, похоже, встречается с целой сворой больших японских боссов. Хиро приказывает своему компьютеру запомнить их имена, с тем чтобы позднее проверить их по базе данных ЦРК и выяснить, кто они такие. Сдается, большая и важная встреча.

– Тайный агент Хиро! Как дела?

Хиро поворачивается. Перед ним стоит Хуанита, резко выделяющаяся на общем фоне в своем черно-белом аватаре, но все равно красивая.

– Как жизнь? – спрашивает она.

– Хорошо. А ты как?

– Великолепно. Надеюсь, тебе не очень противно разговаривать с аватаром, похожим на факс?

– Хуанита, я с большей радостью смотрел бы на факс тебя, чем на других женщин во плоти.

– Спасибо, ну и мастак же ты льстить. Сколько мы не виделись?! – восклицает она, словно в этом есть что-то необычное.

Что-то происходит.

– Надеюсь, ты-то не собираешься спутаться с «Лавиной»? – продолжает она. – Давид не захотел меня слушать.

– Я что, образец самоограничения? Я как раз тот самый, который его и попробует.

– Я слишком хорошо тебя знаю. Ты импульсивен. Но очень умен. У тебя рефлексы бойца на мечях.

– А при чем тут наркотики?

– А при том, что ты заранее видишь дурное и способен его отразить. Это инстинкт, а не нечто заученное. Как только ты повернулся и увидел меня, твое лицо словно бы сказало: «Вот черт, что тут происходит? Что задумала Хуанита?»

– Я думал, ты не разговариваешь с людьми в Метавселенной.

– Разговариваю, если мне надо срочно с кем-то связаться, – отвечает она. – И с тобой я всегда готова поговорить.

– Почему со мной?

– Сам знаешь. Из-за нас. Или забыл? Из-за нашего романа, ведь я в то время писала все это, мы с тобой – единственные люди, кто когда-либо сможет вести честный разговор в Метавселенной.

– Ты все тот же мистик и эксцентрик, каким была раньше. – Он улыбается, словно превращая это в очаровательное заверение.

– Ты даже представить себе не можешь, насколько я теперь стала мистической и эксцентричной.

– И какая ты теперь мистическая и эксцентричная?

Она смотрит на него с теплой улыбкой. Именно так, как смотрела, когда много лет назад он вошел в ее кабинет.

Тут ему приходит в голову спросить себя, почему в его присутствии она всегда настороже. В колледже он думал, что она боится его интеллекта, но уже многие годы знает, что это последнее, что ее беспокоит. В бытность свою в «Черном Солнце Системс» он считал, что это типичная женская осторожность: мол, Хуанита боится, что он пытается затащить ее в постель. Но и об этом теперь тоже не может быть и речи.

На этой стадии своих романов он исхитрился выдумать новую теорию: она осторожничает, потому что он ей нравится. Против ее же воли нравится. Он именно тот соблазнительный, но крайне неподходящий романтический вариант, которого должна научиться избегать всякая умная девушка.

Определенно это так. Все же есть свои преимущества в том, что становишься старше.

– У меня есть коллега, с которым я хотела бы тебя познакомиться, – говорит она вместо ответа на его вопрос. – Джентльмен и ученый по имени Лагос. Потрясающе интересный тип.

– Он твой парень?

Тут она задумывается. Надо же, не спустила на него всех собак!

– В противоположность моему поведению в «Черном Солнце» я не трахаюсь с каждым мужчиной, с которым работаю. И даже если бы это было так, Лагос исключается.

– Не твой тип?

– Совсем не мой.

– А кстати, кто твой тип?

– Старый, богатый, лишенный воображения блондин с устойчивой карьерой.

Это едва от него не ускользает. Потом он все же успевает догнать:

– Ну, волосы я могу покрасить. И рано или поздно я состарюсь.

Хуанита в самом деле смеется. Таким смешком обычно снимают напряжение.

– Поверь мне, Хиро, в настоящий момент я последний человек на земле, с кем тебе захотелось бы связываться.

– Это часть твоего увлечения церковью? – спрашивает он. Излишки доходов Хуанита пустила на то, чтобы основать собственную ветвь католической церкви – она считает себя

миссионером среди разумных атеистов всего мира.

– Почему тебе надо говорить так снисходительно? – упрекает она. – Именно с таким отношением я и борюсь. Религия не для простаков.

– Извини. Знаешь, это нечестно – ты можешь считать малейшее выражение моего лица, а я смотрю на тебя через чертову метель.

– Это определенно имеет отношение к религии, – говорит она. – Но все слишком сложно, и тебе настолько не хватает базовых знаний, что я даже не знаю, с чего начать.

– Черт, но я же в старших классах каждую неделю ходил в церковь. Даже пел в церковном хоре.

– Знаю. В этом-то и проблема. Девяносто девять процентов всего, что происходит в большинстве христианских церквей, не имеет никакого отношения к религии. Все разумные люди рано или поздно это замечают и потому приходят к выводу, будто все сто процентов – ерунда. Вот почему в сознании людей атеизм связан с рациональным мышлением.

– Выходит, все, что я почерпнул в церкви, к твоему делу отношения не имеет?

Хуанита с минуту смотрит на него задумчиво, потом вынимает из кармана гиперкарточку.

– Вот, возьми, – говорит она.

Как только Хиро берет у нее гиперкарточку, та из подергивающейся двухмерной фикции превращается в реалистичный, сливочного цвета и с отличной текстурой листок до-

рогой писчей бумаги. На глянцевой поверхности выведены черными чернилами два слова.

БАВИЛОН

(Инфокалипсис)

Все вокруг на мгновение замирает и тускнеет. «Черное Солнце» утрачивает свою великолепную анимацию и начинает двигаться размытыми скачками. Ясно одно: его компьютер основательно подвисает; все его платы заняты обработкой огромных объемов информации, содержимого гиперкарточки, и у них не хватает мощности для того, чтобы одновременно перерисовывать картинку «Черного Солнца» во всей полноте его поразительного жизнеподобия.

– Срань господня! – охает Хиро, когда в «Черное Солнце» полностью возвращается анимация. – Что, черт возьми, было на этой карточке? У тебя там, наверное, половина библиотеки.

– И библиотекарь в придачу, – говорит Хуанита, – он поможет тебе с поиском. Там много видеозаписей Л. Боба Райфа, они и занимают большую часть мегабайтов.

– Ну ладно, тогда придется попытаться их посмотреть, – с сомнением бормочет он.

– Сделай это. В отличие от Дабида у тебя хватит ума извлечь из этого пользу. А тем временем держись подальше от Ворона. И от «Лавины» тоже. Обещаешь?

– Кто такой Ворон? – спрашивает Хиро.

Но Хуанита уже на пути к двери. Стильные аватары, мимо которых она идет, все как одна поворачиваются поглядеть ей

вслед; кинозвезды бросают на нее убийственные взгляды, а хакеры поджимают губы и пялятся с благоговением.

Обходя зал по кругу, Хиро возвращается в Квадрант Хакеров. Да5ид перетасовывает гиперкарточки у себя на столе – бизнес-статистика по «Черному Солнцу», кино- и видеоклипы, пакеты софта, наспех накарябанные номера телефонов.

– Всякий раз, когда тыходишь, в системе что-то отщелкивает. Словно удар мне под ложечку, – говорит Да5ид. – У меня всегда возникает нехорошее чувство, что «Черное Солнце» вот-вот рухнет.

– Это, наверное, Топтун, – отвечает Хиро. – У него есть такая подпрограммка, которая по-быстрому латает ловушки в кластерах.

– А, вот в чем дело. Пожалуйста, прошу тебя, выбрось ты его, – говорит Да5ид.

– Что, Топтуна?

– Ага. Было время, когда это было круто, но сейчас это все равно что запускать ядерный реактор каменным топором.

– Спасибо.

– Я тебе дам какие угодно хедеры, если решишь сапгрейдить его во что-нибудь менее опасное, – говорит Да5ид. – Пойми, я вовсе не хочу принижать твои способности. Просто говорю, что тебе нужно идти в ногу со временем.

– Чертовски трудно. Для независимого хакера в этом мире больше нет места. Нужно, чтобы за тобой стояла крупная

корпорация.

– Это я понимаю. Равно как и то, что тебе невыносимо работать на крупную корпорацию. Вот почему я говорю тебе, что дам то, что тебе нужно. Пусть наши пути и разошлись, для меня ты всегда был и будешь частью «Черного Солнца».

Вот вам типичный Да5ид. Снова говорит от чистого сердца в обход головы. Не будь Да5ид хакером, Хиро давно бы отчаялся, что ему хоть чего-то удастся добиться.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом, – говорит Хиро. – У меня галлюцинации, или вы с Хуанитой снова встречаетесь?

Да5ид награждает его снисходительной улыбкой. Да5ид был очень добр к Хиро с самого разговора, который случился несколько лет назад. Это был разговор, начавшийся с дружеского трепа за пивом и устрицами, между двумя давними собратями по оружию. Только когда три четверти уже было позади, до Хиро наконец дошло, что на самом деле его прямо сейчас увольняют. С того разговора Да5иду время от времени случалось подбрасывать Хиро полезные крохи инфы и слухов.

– Стараешься разузнать что-нибудь полезное? – со знающим видом спрашивает Да5ид. Как и большинство компьютерщиков, Да5ид – человек совершенно бесхитростный, но бывает, мнит себя реинкарнацией самого Макиавелли.

– У меня для тебя новости, приятель, – говорит Хиро. – Большую часть того, что ты мне рассказывал, я в библиотеку

не сгружал.

– Почему? Черт, я тебе передавал самые пикантные слухи, какие только до меня доходили. Я думал, ты деньги на этом делаешь.

– Слишком гадко, – говорит Хиро. – Противно обращаться в деньги разговоры с друзьями. С чего ты решил, что я на мели?

Кое о чем он не упоминает; а именно: что он всегда считал себя равным Да5иду и ему невыносима даже мысль о том, чтобы питаться подачками Да5ида, будто собака, свернувшаяся у него под столом.

– Я порадовался, увидев, что Хуанита сюда пришла, пусть даже черно-белая, – говорит Да5ид. – Для нее не пользоваться «Черным Солнцем»... все равно как если бы Александр Грэхем Белл отказался бы пользоваться телефоном.

– Зачем она сегодня приходила?

– Ее что-то беспокоит, – отвечает Да5ид. – Она хотела знать, не видел ли я кое-кого на Стрите.

– Кого-то конкретного?

– Она тревожится из-за одного здорового типа с длинными черными волосами, – говорит Да5ид. – Он толкает что-то под названием... ах, вот оно... «Лавина».

– А в библиотеке она смотрела?

– Ага. Я, во всяком случае, так полагаю.

– Ты этого типа видел?

– Ну да. Его трудно не заметить, – говорит Да5ид. – Стоит

прямо под нашей дверью. Это я от него получил.

Просканировав стол, Да5ид показывает Хиро гиперкарточку.

СНОУКРЭШ

Разорвите карточку пополам

И получите пробный кайф бесплатно

– Послушай, Да5ид, – говорит Хиро. – Поверить не могу, что ты взял гиперкарточку у какого-то черно-белого.

Да5ид смеется.

– Времена изменились, старик. В моей системе столько антивирусов, что ничто в нее не пролезет. Я от хакеров получаю столько завирусованного дерьма, через меня и «Черное Солнце» столько всего проходит, что мне иногда кажется, я тружусь в инфекционной больнице. Поэтому, что бы там ни было на этой гиперкарточке, мне бояться нечего.

– Ну тогда, – говорит Хиро, – мне очень любопытно.

– Ага, и мне тоже, – смеется Да5ид.

– Наверное, много шуму из ничего.

– Скорее всего, анимареклама, – соглашается Да5ид. – Как, по-твоему, попробовать?

– Ага, – откликается Хиро. – Давай. Не каждый же день удастся попробовать новый наркотик.

– Ну, если хочешь, можешь пробовать новые и каждый день, – возражает Да5ид, – но не каждый день встречаешь такой, который не способен причинить тебе вреда.

Он разрывает гиперкарточку пополам.

Проходит секунда, вторая. Ничего не происходит.

– Я жду, – говорит Да5ид.

На столе перед Да5идом материализуется аватар – сперва призрачный и прозрачный, но постепенно становящийся плотным и трехмерным. Эффект, если уж на то пошло, банальный; Хиро и Да5ид уже хохочут.

Аватар – голенькая «Брэнди». Она даже не похожа на стандартную модель, сдается, это дешевая тайваньская копия. Совершенно очевидно, что это просто демон. В руках у нее две трубки размером приблизительно с рулон бумажных полотенец.

Да5ид откидывается на спинку стула, явно наслаждаясь сценой. Во всем происходящем есть что-то уморительно безвкусное.

Подавшись вперед, «Брэнди» манит Да5ида пальцем. С широкой ухмылкой Да5ид наклоняется прямо к ее лицу. А она приближает ярко-рубиновые губки к его уху и что-то бормочет – только вот Хиро не слышит что.

Когда она отстраняется, лицо Да5ида уже изменилось. На лице его застыло ошарашенное выражение. Возможно, Да5ид выглядит так в Реальности, возможно, «Лавина» каким-то образом испортила его аватар и тот больше не отслеживает истинные выражения лица владельца. Но Да5ид смотрит прямо перед собой, и глаза его застыли в глазницах.

«Брэнди» же подносит свои трубки к обездвиженному лицу шеф-хакера «Черного Солнца», а потом разворачивает.

Оказывается, в руках у нее был свиток. И она разворачивает его прямо перед глазами Да5ида, будто двухмерный экран. Парализованное лицо Да5ида приобретает синюшный оттенок – это на него падает льющийся из свитка свет.

Хиро обходит стол, чтобы тоже посмотреть. И успевает заглянуть внутрь прежде, чем «Брэнди» резко смыкает руки, убирая экран. Там была живая стена света, точно гибкий телевизор с плоским экраном, и он не показывал вообще ничего. Только статика. Белый шум. Снег.

А «Брэнди» исчезла. И следа ее не осталось. От нескольких столов в Квадранте Хакеров раздаются нестройные саркастические аплодисменты.

Да5ид уже в норме, на лице у него ухмылка, отчасти язвительная, отчасти смущенная.

– Что это было? – спрашивает Хиро. – Я только увидел снег под самый конец.

– А ничего больше и не было, – отвечает Да5ид. – Фиксированный набор черно-белых пикселей при довольно высоком разрешении. Просто мне дали посмотреть на пару сотен тысяч единиц и нулей.

– Иными словами, кто-то только что сгрузил тебе в оптический нерв сотню тысяч байтов информации? – переспрашивает Хиро.

– Скорее уж шума.

– Ну, вся информация выглядит как шум, пока код не взломаешь, – возражает Хиро.

– Зачем кому-то показывать мне информацию в двоичном коде? Я же не компьютер. Я битовые массивы читать не умею.

– Расслабься, Да5ид, я просто дурачусь, – примирительно говорит Хиро.

– Знаешь, что это было? Ты знаешь, что хакеры вечно пытаются показать мне образчики своих трудов?

– Ага.

– Какой-то хакер придумал такой трюк, чтобы показать мне свою прогу. И все работало хорошо до тех пор, пока «Брэнди» не развернула свиток – но код у него оказался глючный, и в неподходящий момент все рухнуло лавиной, поэтому вместо его анимации я увидел только снег.

– Тогда почему эта штука называется «Лавина»?

– Юмор висельника. Он знал, что программа глючит.

– Что прошептала тебе на ухо «Брэнди»?

– На каком-то языке, которого я не распознал, – говорит Да5ид. – Просто бессмысленная тарабарщина.

– У тебя после этого был такой ошарашенный вид.

– И вовсе не ошарашенный, – обижается Да5ид. – Просто все это было настолько странно, что, наверное, на пару секунд выбило меня из колеи.

Хиро смотрит на него с крайним сомнением. Заметив это, Да5ид встает.

– Хочешь посмотреть, что замышляют твои японские конкуренты?

– Что еще за конкуренты?

– Ты ведь раньше писал аватары для рок-звезд, так?

– И сейчас их пишу.

– А сегодня здесь Суши Кей.

– Ах да. Хайер размером с галактику.

– Лучи и отсюда видны, – говорит ДаБид, указывая на соседний Квадрант, – но я хочу посмотреть на все в целом.

Издали кажется, что где-то в середине Квадранта Рок-звезд встает солнце. Над головами толпящихся аватаров Хиро видит веер оранжевых лучей, исходящих откуда-то из столпотворения. А веер не стоит на месте: поворачивается, покачивается из стороны в сторону, временами встряхивается, и вся вселенная как будто движется вместе с ним. На Стрите фейерверк прически Суши Кей подавлен предписаниями ширины и высоты. Но в пределах «Черного Солнца» ДаБид допускает свободу самовыражения, поэтому оранжевые лучи тянутся до самых границ собственности.

– Интересно, ему уже кто-нибудь сказал, что американцы не станут покупать рэп у японца? – бормочет Хиро себе под нос, когда они подходят поближе.

– Наверное, тебе стоит это сказать, – говорит ДаБид, – выставить счет за услуги. Он сейчас, знаешь ли, в Л.А.

– Вероятно, остановился в отеле, где полно подхалимов, которые талдычат ему, какой великой он будет рок-звездой. Ему следует побывать в гуще реальной биомассы.

Они вливаются в поток, петляющий по узкому каналу в

плотной толпе.

– Биомассы? – переспрашивает Да5ид.

– Конгломерат живой материи. Это экологический термин. Если взять акр джунглей, или кубическую милю океана, или квартал Комптона и выбрать все, что на них живет, получишь биомассу.

Да5ид, у которого мозги, как всегда, повернуты на биты и байты, ничего не понимает, о чем и сообщает Хиро. Голос его звучит как-то странно, в аудиовыход закрадывается статика.

– Сленг шоу-биза, – говорит Хиро. – Индустрия питается человеческой биомассой Америки. Как кит, выбирающий из моря планктон.

Хиро протискивается между двумя японскими бизнесменами. Один одет в положенный синий костюм, а вот другой, похоже, неотрадиционалист: облачен в темное кимоно. И подобно Хиро имеет при себе два меча – длинную катану на левом бедре и короткий вакидзаси, наискось заткнутый за пояс. Они с Хиро бегло оглядывают оружие друг друга. Потом Хиро отводит взгляд и делает вид, будто ничего не заметил, тогда как неотрадиционалист застывает как каменное изваяние, только опускает уголки рта. Хиро уже видел такое представление раньше. И знает, что ему вот-вот предстоит поединок.

Люди уходят с дороги: через толпу несется нечто огромное и неумолимое, расталкивая аватары в разные стороны. В

«Черном Солнце» только одно существо обладает такой способностью расталкивать людей – демон-вышибала.

Когда они с Да5идом подходят ближе, Хиро видит весь летучий клин горилл в смокингах. Настоящих горилл. И все они как будто направляются к Хиро.

Он пытается отступить, но тут же на что-то натывается. Похоже, «Топтун» наконец навлек на него беду; кажется, его сейчас вышибут из бара.

– Да5ид, – говорит Хиро. – Отзови их, старик. Я перестану запускать «Топтуна».

Все, кто стоит поблизости, смотрят за плечо Хиро, их лица освещены мешаниной многоцветных огней.

Хиро оглядывается посмотреть на Да5ида. Но Да5ида там больше нет.

На месте шеф-хакера только подергивающееся облако дурной цифровой кармы. Оно настолько яркое, быстрое и бессмысленное, что на него больно смотреть. Рывками оно становится то цветным, то черно-белым, а будучи цветным, крутится по полу как разноцветное колесо, словно его секут мощные прожектора дискотеки. И оно не остается в пространстве прежнего тела. Из этого облака то и дело выскакивают сгустки пикселей, которые, пролетев через все «Черное Солнце», исчезают за стенами бара. Это уже не структурированное программное тело, а центробежное облако линий и завихрений, центр которого уже не держит и разбрасывает яркие куски телесной шрапнели по всему залу, мигая, вспы-

живая и исчезающая, вламываясь в аватары посетителей.

Гориллам все равно. Запустив волосатые пальцы в середину разлагающегося облака, они каким-то образом его зацепляют и проносят мимо Хиро к выходу. Когда облако проплывает мимо, Хиро видит в нем лицо Да5ида, но искаженное, будто смотрит на него сквозь гору битого стекла. Видение мимолетное. И вот аватар Да5ида уже исчез, умелым ударом ноги выброшен во входную дверь, вот он уже летит над Стритом по длинной плоской дуге, которая уносит его за горизонт. Подняв глаза, Хиро смотрит по пустому проходу на пустой стол Да5ида, окруженный потрясенными хакерами.

Да5ид Мейер, верховный повелитель хакеров, отец-основатель протокола Метавселенной, создатель и владелец известного на весь мир «Черного Солнца», только что пережил крах системы. Его выбросили из собственного бара собственные демоны.

Ну, может быть, не первое, а второе или третье, что осваивают в профессии курьера – это как распилить наручники. Что бы там ни утверждали миллионы франшиз «Тюряги», все-таки наручники – приспособление кратковременное. А давнишний статус скейтбордистов как угнетенного этнического меньшинства подразумевает, что все они в той или иной степени виртуозы побега.

Но сперва главное. В комбинезоне И.В. множество прищипок, прежде всего сотни карманов: большие и плоские – для посылок, длинные и узкие – для снаряги, а еще карманы по рукавам, в бедрах и голенищах по штанинам. Снаряга, распиханная по этим карманам, бывает обычно мелкой, мудреной и весит немного: ручки, маркеры, фонарики, перочинные ножи, отмычки, сканеры бар-кодов, сигнальные ракеты, «жидкий кастет», шокеры и световые палочки. На правом бедре у И.В. затолканный вверх ногами калькулятор, по совместительству работающий как таксометр и секундомер.

На другом бедре мобильник. В тот момент, когда менеджер запирает дверь наверху, телефон звонит. И.В. отцепляет его свободной рукой. Это мама И.В.

– Привет, мам. Отлично, а ты? Да, я у Трейси. Ага, были в Метавселенной. Просто поваляла дурака в игровом салоне на Стрите. Да, развлеклись. Да, да, я взяла себе симпатич-

ный аватар. Не-а, мама, Трейси сказала, что попозже ответит меня домой. Но мы хотим еще заехать в «Автогонки на бульваре Виктории», можно? Ага, спи спокойно, мам. Буду, буду. И я тебя люблю. Пока.

Нажав на кнопку «отбой», она обрывает болтовню с мамой и через полсекунды задает новый номер.

– Падаль.

Рев. Воздух ревет, с огромной скоростью обтекая микрофон мобильного Падали. А еще к этому реву примешивается такой же громкий свист многих десятков шин по покрытию мостовой, перкуссии выбоин; по звуку это ветхий бульвар Вентура.

– Хай, И.В., – говорит Падаль. – Как оно?

– А твое?

– Лечу по Вентуре. Как ты?

– Торчу в «Тюряге».

– Ух ты! Кто тебя сцапал?

– Метакопы. Приклеили меня из соплепушки к воротам «Белых Колонн».

– Ну надо же! Когда сваливаешь?

– Скоро. Можешь мне подсобить?

– Ты о чем?

Ох уж эти мужчины!

– Сам знаешь, помочь. Ты мой парень. – Она старается говорить доступно и ясно. – Когда меня забирают, считается, что ты придешь и поможешь мне выбраться.

Разве не всем полагается такое знать? Неужели родители больше ничему детей не учат?

– Ну, э... а ты где?

– «Купи и Кати» номер 501762.

– Я на пути в Берни с суперультра.

Иными словами, в Сан-Бернардино. Иными словами, с суперультраважной доставкой. Иными словами, не судьба.

– О'кей, и на том спасибо.

– Извини.

– Кати с богом. – Этим традиционным саркастическим «до свиданья» И.В. заканчивает разговор.

– Дыши спокойно, – отвечает Падаль. Рев разом смолкает.

Вот гад. Уж он попресмыкается на следующем свидании. Но тем временем есть еще кое-кто, за кем должок. Единственная проблема в том, что он, возможно, псих. Но попытка не пытка.

– Алло, – отвечает он по мобильнику. Дышит он тяжело, и на заднем плане дуэтом воет пара сирен.

– Хиро Протагонист?

– Да. Кто это?

– И. В. Ты где?

– На стоянке «Безопасный путь по Оуха», – отвечает он и, по всей видимости, говорит правду, поскольку на заднем плане слышен лязг анальных совокуплений продуктовых тележек.

– Я сейчас немного занят, Ива, но... Чем могу тебе по-

мочь?

– Меня зовут И.В., – говорит она, – и ты можешь мне помочь выбраться из «Тюряги».

Она сообщает детали.

– Давно он тебя запер?

– Десять минут как.

– О'кей, в папке о трех кольцах франшиз «Тюряги» говорится, что менеджеру положено проверить задержанного через полчаса после приемки.

– Откуда ты это знаешь? – обвиняюще спрашивает она.

– Сама подумай. Как только он уйдет, выжди еще пять минут, а потом двигай. Попытаюсь тебе подсобить. Идет?

– Усекла.

Ровно через двадцать минут, секунда в секунду, она слышит скрежет ключа в замке. Зажигается свет. «Рыцарское забрало» спасает ее от разрушения сетчатки. Протопав вниз по ступенькам, менеджер злобно на нее пялится. Довольно долго пялится. Ясно: искушение велико. Вот уже полчаса мимолетное видение плоти рикошетом мечется в его черепной коробке. Менеджера терзают космические вопросы. И.В. надеется, что он все же ни на что не решится, потому что эффект дентаты может быть непредсказуемым.

– Давай, решайся, мать твою, – говорит она.

Сработало. Новый культурный шок отрывает таджика от решения этической головоломки. Он бросает на И.В. неодобрительный взгляд – в конце концов, это она вынудила

его чувствовать влечение, вызвала возбуждение, вскружила голову; это ведь она виновата, что ее арестовали, так? – и поэтому, помимо всего прочего, он на нее сердит. Как будто у него есть на это право.

И это «сильный» пол, который изобрел вакцину от полиомиелита?

Повернувшись, он поднимается по ступенькам, вырубает свет и запирает дверь.

Сверившись с часами, И.В. ставит будильник на пять минут – единственный человек в Северной Америке, кто действительно знает, как в цифровых наручных часах установить будильник, – и вытаскивает из узкого карманчика в рукаве набор для распиливания наручников. Она также вытаскивает и разламывает световую палочку, чтобы хоть что-то видеть. Выбрав тонкую стальную полоску с пружинкой на конце, она заводит ее во внутренности браслетов и нажимает на спуск пружины. Кольцо, работавшее до того как односторонний храповик, способный только зажиматься, со звоном раскрывается.

Она могла бы снять и второй наручник, но ей нравится, как он выглядит, поэтому первый она насаживает себе на запястье рядом со вторым, чтобы получился двойной браслет. Мама носила такие вещи, когда была панком.

Стальная дверь заперта, но предписания по безопасности «Купи и Кати» требуют иметь в подвале аварийный выход на случай пожара. Здесь им служит зарешеченное окно, под

которым закреплена большая красная кнопка пожарной сигнализации (она же открывает аварийный выход) с надписями на нескольких языках. В зеленом свечении светопалочки красный цвет кажется черным. Прочитав инструкции по-английски, И.В. повторяет их пару раз про себя, чтобы запомнить, а потом ждет. Она убивает время, рассматривая инструкции на остальных языках и пытаясь отгадать, какой из них какой. На взгляд И.В., все они похожи на таксиллингву.

Окошко такое грязное, что через него почти ничего нельзя разглядеть, но она все же видит, как мимо проходит какая-то темная тень. Хиро.

Секунд десять спустя тренькает будильник. И.В. нажимает на кнопку аварийного выхода. Звучит гонг. Прутья толще, чем она думала – хорошо, что это не настоящий пожар, – но наконец она их все же выдергивает. Выбросив доску на простор стоянки, она протискивается в окошко как раз в тот момент, когда в замке поворачивается ключ. К тому времени, когда трехкольцовый, наверное, отыскал свой жизненно важный выключатель, она уже закладывает вираж на переднюю парковку... а там праздник джиков!

Тут, похоже, собрались таджики со всей Южной Калифорнии, прикатали на гигантских раздолбанных такси с неведомой живностью на задних сиденьях, и несет от них благовониями и пролитыми освежителями воздуха неоновой раскраски. Установив на капоте одной из машин гигантский восьмитрубочный кальян, они теперь булькают огро-

менными клубами вонючего дыма.

И все пелятся на Хиро Протагониста, который недоуменно смотрит на них в ответ. У всех на стоянке изумленный вид.

Он, наверное, подошел с задов франшизы: откуда ему было знать, что на передней стоянке полно джиков? Каким бы ни был его план, он только что полетел ко всем чертям.

Из-за «Купи и Кати» с криком «караул!» на кровожадной таксилингве выбегает менеджер. В спину И.В. упирается огонек лазерного прицела переносной ракетной установки.

Но таджикам у кальяна на И.В. наплевать. Они нацелились на Хиро. Вот они аккуратно вешают чеканные серебряные мундштуки на крючки, встроенные в горлышко своего мега-гашишника. А потом надвигаются на Хиро, запуская руки в складки халатов, во внутренние карманы ветровок.

И.В. отвлекает резкое шипение. Рискнув оглянуться на Хиро, она видит, что он выхватил из ножен трехфутовый изогнутый меч, которого она раньше не видела. И присел на корточки. Клинок меча болезненно поблескивает под убийственными прожекторами секьюрити «Купи и Кати».

Ну надо же, какое геройство!

Кальянные мальчишки сбиты с толку, и это еще мягко сказано. Впрочем, они не столько напуганы, сколько растеряны. Нет сомнения, почти у всех есть пушки. Так почему этот тип пытается напугать их мечом?

Тут она вспоминает, что среди множества профессий на

визитке Хиро значится «Величайший боец на мечях в мире». Он что, правда способен сразиться с целым кланом вооруженных хачиков?

Рука менеджера вцепляется ей в предплечье – как будто это может ее остановить. Потянувшись другой рукой в карман, онаогревает его струйкой «жидкого кастета». С приглушенным хрюканьем менеджер отдергивает голову и, отпустив ее руку, на нетвердых ногах делает несколько шагов назад, пока не падает, распростершись на багажнике такси, основаниями ладоней яростно тыча себе в глазницы.

Подождите-ка секундочку. В этом такси никого нет. А из замка зажигания свисает двухфутровая цепочка макраме: ключ на месте.

Забросив доску в окно тачки, она ныряет вслед за ней (И.В. худенькая, поэтому дверь можно и не открывать), перебирается на сиденье водителя, где тут же тонет в гнезде деревянных бусин и освежителей воздуха, заводит мотор и стартует. Задним ходом – на заднюю стоянку. Тачка стояла носом к выезду – в стиле таксистов, – готовая к быстрому старту, что было бы неплохо, будь она тут одна, но приходится думать и о Хиро. Орет радио, выплевывая очереди криков на таксилингве. Задним ходом она объезжает «Купи и Кати», на задней стоянке франшизы неожиданно пусто и тихо.

Переключив передачу, она вылетает на переднюю стоянку. У хачиков нет времени даже среагировать: они-то думали, что она выедет с другой стороны. С визгом тормозов

такси останавливается возле Хиро, у которого хватило ума убрать меч назад в ножны. Он ныряет в окно со стороны пассажира. Тут И. В. перестает обращать на него внимание. Ей есть на что смотреть и о чем думать: к примеру, врежется она в рекламный щит на выезде на трассу или нет?

В щит она не врежется, хотя машина протестующе скрипит. И.В. вылетает на трассу. Тачка слушается так, как умеет слушаться только древнее такси.

Теперь единственная проблема в том, что за ними гонится еще десяток таких же.

Что-то упирается ей в левую ляжку, и, опустив глаза, И.В. видит, что на двери в авоське свисает громадный револьвер.

Теперь нужно найти, куда съехать с трассы. Если бы ей попалось представительство «Новой Сицилии»! Ведь мафия перед ней в долгу. Или «Новая ЮАР», которую она ненавидит. Но еще больше в «Новой ЮАР» ненавидят хачиков.

Вычеркиваем. Хиро черный или, во всяком случае, наполовину черный. Его в «Новую ЮАР» не повезешь. А поскольку И.В. белая, то и в «Метазанию» они поехать не могут.

– В полумиле справа, – говорит Хиро, – «Великий Гонконг мистера Ли».

– Хорошая мысль. Но ведь с твоими мечами нас туда не пустят, так?

– Пустят, – отвечает он. – У меня гражданство.

Указатель «мистера Ли» броский. Такие не часто видишь.

Зеленый с синим щит, умиротворяющий и спокойный посреди изъеденного неонм франшизного гетто. На щите значится:

ВЕЛИКИЙ ГОНКОНГ МИСТЕРА ЛИ

Грохот взрыва. И.В. стучается лбом о предохранитель от травмы головы и шеи – их только что протаранило сзади другое такси.

На стоянку «мистера Ли» она въезжает с визгом шин. У системы безопасности нет даже времени просканировать ее визу и опустить ТПШ, поэтому это Тяжелое Повреждение Шин на всю катушку: лысые шины с радиальным кордом попросту остались ошметками на шипах. Высекая искры чetyрьмя голыми ободами, И.В. останавливается посреди травяной лужайки, дерн которой одновременно поглощает углекислый газ и работает сверхпрочным покрытием парковки.

Они с Хиро выбираются из машины.

Хиро сумасбродно ухмыляется под перекрестным огнем десятка лазерных лучей, сканирующих его со всех сторон разом. Роботизированная система безопасности «Гонконга» проверяет его. И ее тоже: опустив глаза, она видит, как по ее груди ползают лазеры.

– Добро пожаловать в «Великий Гонконг мистера Ли», мистер Протагонист, – говорит система безопасности через внешний громкоговоритель. – И добро пожаловать вашей гостье, мисс И.В.

Остальные такси выстроились вдоль обочины. Несколько

проскочили франшизу «Гонконга», поэтому им пришлось вернуться на пару кварталов. Канонадой звучит хлопанье дверей. Кое-кто даже не потрудился их закрыть, так и побросали машины с открытыми дверями и моторы, работающие на холостом ходу. Три хачика задержались на тротуаре, рассматривая насаженные на шипы ошметки покрышек: длинные полосы неопрена, из которых выросли стальные и фиброгласовые волосы, точь-в-точь испорченные парики. У одного в руках револьвер, нацеленный прямо на тротуар.

К ним подбегают еще трое. И.В. успевает насчитать еще два револьвера и обрез помпового ружья. Еще пара-тройка таких типов, и они смогут образовать правительство.

Хачики осторожно переступают через шипы на пышный газон «Гонконга». В этот момент снова возникают лазеры. Все хачики на мгновение становятся красными и зернистыми.

Потом происходит кое-что еще. Зажигаются огни. Система безопасности хочет получше осветить этих гостей.

Представительства «Гонконга» славятся своими газономатрицами – кто хоть раз слышал о газоне, на котором можно припарковать машину? – и своими антеннами. Из-за этих антенн франшизы похожи на исследовательские лаборатории НАСА. Часть этих антенн – спутниковые передатчики, нацеленные в небо. А другие, совсем крохотные, нацелены в землю, на газономатрицу.

И.В., конечно, всего этого не знает, но антенны поменьше

на самом деле – приемники радара на миллиметровой волне. Как любой радар, они хорошо умеют улавливать металлические предметы. В отличие от радаров в центре управления дорожного движения, они способны увеличивать мелкие детали. А разрешение системы приблизительно равно длине радарной волны. Поскольку длина волны этого радара около миллиметра, он способен разглядеть пломбы в ваших зубах, колечки в шнуровке ваших кроссовок, клепки в ваших «ливайсах». Он сможет посчитать, какая сумма мелочью у вас в кармане.

Увидеть пушки не проблема. Эта система может даже определить, заряжены ли они, и если да, то какими именно патронами. Это важная функция, поскольку огнестрельное оружие в «Великом Гонконге мистера Ли» вне закона.

Стоять и таращить глаза на то, как рухнул компьютер шеф-хакера, бестактно. Молодняк как раз этим и занят, вроде как показывает остальным хакерам, насколько знающая и многоопытная подрастает смена. Отмахнувшись от происшествия, Хиро снова поворачивается к Квадранту Рок-звезд. Ему все еще хочется увидеть прическу Суши Кея.

Но на сей раз дорогу ему заступает японец. Тот самый неотрадиционалист, тип с мечами. Он явно жаждет конфронтации: встал на расстоянии длины двух мечей и не собирается двигаться с места.

Хиро поступает так, как предписывает вежливость: отвечает поясной поклон и выпрямляется.

Бизнесмен же поступает далеко не вежливо: смерив Хиро с головы до ног внимательным взглядом, он возвращает поклон. Почти.

– Эти... у вас... – говорит бизнесмен. – Очень хороши.

– Спасибо, сэр. Вы можете вести разговор по-японски, если предпочитаете этот язык.

– Только ваша аватар с ними ходит. В Реальности вы такого оружия не носите, – отвечает бизнесмен. По-английски.

– Мне очень жаль, что приходится с вами не согласиться, но я ношу такое оружие и в Реальности, – говорит Хиро.

– В точности такие мечи?

– В точности такие.

– Это древние клинки, – говорит бизнесмен.

– Да, полагаю, что так.

– Как попало к вам в руки столь ценное достояние Японии? – спрашивает бизнесмен.

Подтекст Хиро понятен: «Для чего ты используешь эти мечи, мальчик? Рубишь ими арбузы?»

– Теперь они достояние моей семьи, – говорит Хиро. – Мой отец их выиграл.

– Выиграл? За игорным столом?

– В бою один на один. Это был поединок между моим отцом и японским офицером. История несколько запутанная.

– Прошу прощения, если я неверно истолковал вашу историю, – говорит бизнесмен, – но у меня сложилось впечатление, что мужчинам вашего народа не дозволялось принимать участие в военных действиях последней войны.

– Ваше впечатление верно, – отвечает Хиро. – Мой отец был водителем грузовика.

– Так как же он вступил в поединок с японским офицером?

– Инцидент имел место возле лагеря для военнопленных, – говорит Хиро. – Мой отец и еще один пленный пытались бежать. Их преследовали несколько японских солдат и офицер, которому принадлежали эти мечи.

– Мне трудно поверить в ваш рассказ, – говорит бизнесмен, – поскольку ваш отец не смог бы осуществить такой по-

бег и остаться в живых, чтобы оставить в наследство мечи своему сыну. Япония – островное государство. Ему некуда было бежать.

– Это случилось в самом конце войны, – говорит Хиро, – а лагерь находился неподалеку от Нагасаки.

Бизнесмен краснеет, сглатывает и едва не сдает позиции. Его левая рука тянется к ножнам. Хиро оглядывается по сторонам: внезапно они оказались в центре открытого пространства ярдов десять в диаметре, а по периметру выстроились любопытные.

– Вы считаете, эти мечи попали к вам достойным путем? – скрежещет бизнесмен.

– Будь это не так, я давно бы их вернул, – отвечает Хиро.

– Тогда вы не будете против лишиться их сходным образом?

– А вы – потерять свои? – парирует Хиро.

Правой рукой японский бизнесмен берется за рукоять висящей слева у него за спиной катаны, сжимает ее чуть ниже гарды и, выхватив меч из ножен, наставляет его на Хиро. Левая рука также ложится на рукоять, чуть ниже правой.

Хиро делает то же самое.

Оба они сгибают ноги в коленях, почти приседая на корточки, но туловище держат при этом совершенно прямо, потом снова встают и, шаркая, принимают правильную стойку – ступни параллельно друг другу и смотрят вперед, правая нога перед левой.

Оказывается, у бизнесмена полно *зансин*. Перевести это понятие на английский – все равно что пытаться переводить на японский «отвали», а на футбольном сленге это можно передать как «эмоциональное напряжение». Он налетает на Хиро, вопя во все горло. Его атака, по сути, состоит из очень быстрого шарканья вперед, так что его тело все время сохраняет равновесие. В последний момент он заносит меч над головой и внезапно обрушивает его на Хиро. Хиро же поднимает свой меч, одновременно поворачивая его так, что рукоять оказывается высоко вверху и слева от его лица, а клинок идет наискось слева направо, создавая крышу у него над головой. Удар бизнесмена отскакивает от этой крыши, как капля дождя, и тогда Хиро отступает на шаг в сторону, пропуская удар мимо себя, и обрушивает меч на незащищенное плечо противника. Но бизнесмен двигается слишком быстро, а Хиро плохо рассчитал удар. Клинок проходит за спиной и чуть в стороне от бизнесмена.

Оба бойца разворачиваются лицом друг к другу, отступают, расходятся, снова встают в боевые стойки.

Разумеется, «эмоциональное напряжение» не передает и половины смысла термина «зансин». Такой грубый и неадекватный перевод заставил бы расчлененных самураев переворачиваться в своих могилах. Слово «зансин» нагружено множеством нюансов, понять которые можно только будучи японцем.

И, по правде сказать, Хиро большую часть их считает

псевдомистической чепухой; они напоминают ему, как тренер его футбольной команды в школе увещевал игроков играть на 110 процентов.

Бизнесмен снова нападает. Эта атака довольно прямолинейна: быстрый шаркающий наскок, а затем резкий рубящий удар в грудную клетку Хиро. Хиро парирует и этот удар.

Теперь Хиро кое-что знает об этом бизнесмене, а именно: как и большинство японских бойцов, он, кроме кендо, ничего не знает.

Кендо в сравнении с настоящим самурайским боем все равно что фехтование против рубки на мечах: попытка превратить в красивую игру крайне неорганизованный, хаотичный, жестокий и кровавый конфликт. Как и в фехтовании, в кендо положено атаковать только определенные части тела, те, которые защищены броней. Как и в фехтовании, противникам воспрещается бить оппонента ногой по коленной чашечке или разламывать о его голову стул. И судейство абсолютно субъективное. В кендо вы можете нанести противнику надежный смертельный удар, и все равно вам его не зачтут, потому что судьям кажется, что у вас недостаточно *зансин*.

У Хиро вообще нет никакого зансин. Он просто хочет поскорей со всем покончить. Поэтому, когда в следующий раз бизнесмен издает свой оглушительный визг, шаркает на Хиро и даже обрушивает на него клинок, Хиро парирует этот удар, а потом поворачивается на пятке и обрубает японцу ноги чуть ниже колен.

Бизнесмен валится на пол.

Для того чтобы заставить свой аватар двигаться в Мета-вселенной как реальный человек, требуется немалая практика. Когда ваш аватар только что лишился ног, все умение летит псу под хвост.

– Ну, поехали! – бормочет Хиро. – Рррраззз!

Он подсекает бизнесмена сбоку, обрубая ему руки в локтях, отчего мечи со звоном падают на пол.

– Разведи-ка костерок под барбекю, Джемима! – продолжает Хиро, снова нанося резкий боковой удар и разрубая тело бизнесмена чуть выше пупка. Потом наклоняется, чтобы посмотреть в лицо противнику. – Разве никто вам не сказал, – говорит он, разом утрачивая все диалектное просторечие, – что я *хакер*?

И потому *отхакивает* бизнесмену голову. Прокатившись по полу, та останавливается, уставившись прямо в потолок. Поэтому Хиро, отступив на пару шагов, бормочет себе под нос: «Сейф».

Под потолком материализуется массивный сейф, который приземляется на голову бизнесмена. Удар пробивает пол «Черного Солнца», так что и сейф, и голова обрушиваются в систему подземных туннелей, оставляя после себя квадратную дыру. Остальные части тела все еще валяются вокруг.

В этот самый момент японский бизнесмен где-нибудь в фешенебельном отеле в Лондоне, или в офисе в Токио, или даже в зале ожидания первого класса ЛАКС, сверхзвуково-

го рейса Лос-Анджелес – Токио, сидит весь потный и красный за своим компьютером и видит перед собой Зал Славы «Черного Солнца». Связь с «Черным Солнцем» оборвана. Если уж на то пошло, его вообще выбросило из Метавселенной, поэтому перед ним только двухмерный экран. А на нем имена десяти лучших бойцов на мечях всех времен и фотографии под ними. Ниже прокрутка с номерным перечнем имен и рейтингов, начиная с номера 1. Если он желает узнать собственный рейтинг, может прокрутить список вниз. Окно услужливо проинформирует его, что в настоящий момент он значится под номером 863 из 890 бойцов, которые когда-либо принимали участие в бою на мечях в «Черном Солнце».

Номер Первый, имя и фотография на самом верху, принадлежат Хирохито Протагонисту.

Полуавтономный Охранный Модуль «Энг Секьюрити Индастриз» номер А-367 живет в славной черно-белой Мета-вселенной, где филейные бифштексы растут на деревьях, свисают с нижних веток на уровне головы, где пропитанные кровью печенья пролетают в бодрящем прохладном воздухе вообще безо всякой причины – только лови.

В его распоряжении целый дворик. Вокруг дворика – забор. Он знает, что через забор он прыгать не умеет. На самом деле он ни разу не пытался, потому что знает, что не умеет. Во двор он не выходит, разве что это совсем уж необходимо. Там слишком жарко.

У него важная работа: он защищает свой двор. Иногда во двор приходят люди, а потом уходят со двора. В основном это хорошие люди, их он не трогает. Он не знает, почему они хорошие люди. Он просто это знает. Иногда это плохие люди, и ему приходится делать им плохие вещи, чтобы они ушли. Так правильно.

В большом мире за забором есть другие дворы, а в них другие собаки. Это не злые собаки. Это его друзья.

Его ближайший сосед на самом деле далеко, так далеко, что даже не видно. Но он иногда слышит, как лает эта собака, иными словами, когда к его двору подходит плохой человек. И других соседних собак он тоже слышит: целая стая их

тянется далеко-далеко во все стороны. Он из большой стаи хороших собак.

Он и другие собаки лают всякий раз, когда к их двору приближается чужак. Чужак лая не слышит, зато слышат все остальные собаки в стае. А если они живут по соседству, то они настораживаются. Они просыпаются и готовы сделать плохие вещи, попробуй он зайти в их двор.

Когда соседняя собака лает на чужака, вместе с лаем в мозг номер А-367 попадают картинки, звуки и запахи. И он сразу узнает, как выглядит этот чужак. Какие издает звуки. Чем от него пахнет. Когда бы потом этот чужак ни подошел к его двору, он его узнает. Он оповестит лаем других хороших собак, чтобы вся стая приготовилась сразиться с чужаком.

Сегодня Полуавтономный Охранный Модуль номер А-367 лает. Он не просто передает стае лай соседа. Нет, он лает потому, что очень взволнован тем, что происходит в его дворе.

Сначала пришли два человека. Это его взбудоражило потому, что пришли они очень быстро. Сердца у них бьются часто-часто, а еще они потеют, и пахнет от них страхом. Он посмотрел на этих двух людей, чтобы узнать, есть ли у них плохие штуки.

У маленькой много всякого, но они не гадкие, они игрушки. У большого довольно плохие штуки. Но почему-то номер А-367 знает, что с этим большим все в порядке. Он из этого двора. Он тут не чужой, он тут живет. А маленькая –

его гостя.

И все равно номер А-367 чувствует, что происходит что-то возбуждающее. Он начинает лаять. Люди во дворе его лая не слышат. Но все остальные собаки в стае, пусть даже далеко-далеко, слышат, а услышав, видят этих двух добрых испуганных людей, слышат их, чуют их запах.

Потом в его двор приходят другие люди. Они тоже возбуждены: он слышит, как стучат у них сердца. Рот у него наполняется слюной, когда он чувствует жаркую солоноватую кровь, бегущую по их венам. Эти люди возбуждены и сердиты, и самую малость испуганы. Они тут не живут, они чужаки. Номер А-367 чужаков не жалуется.

Он смотрит на них и видит, что у них три револьвера: один тридцать восьмого калибра и два «магнума» триста пятьдесят седьмого; тридцать восьмой заряжен разрывными пулями, а «магнумы» – тефлоновыми и тоже сняты с предохранителей; а еще у них помповый обрез, заряженный картечью, и – рrrrr! – один патрон уже в камере и еще четыре в магазине.

Плохие штуки принесли чужаки. Страшные штуки. Он волнуется. Он начинает сердиться. Он немного пугается, но ему нравится, когда чуть-чуть страшно, это как когда волнуешься. Если уж на то пошло, номеру А-367 знакомы только два ощущения: сна и адреналинового овердрайва.

Плохой чужак поднимает обрез!

Это совершенно ужасно. Плохие, возбужденные чужаки вторгаются в его двор со злыми штуками, хотят обидеть доб-

рых милых гостей!

Он едва успевает лаем предостеречь остальных собак и выскакивает из конуры, подстегиваемый раскаленно-белым турбинным выхлопом первозданного гнева.

Углом глаза И.В. замечает мгновенную вспышку, потом слышит глухой удар. Оглянувшись, она видит, что свет идет от собачьей дверцы, встроенной в стену франшизы «Гонконга». Эта дверца только что ударилась о стену, открытая чем-то, что только что выскочило изнутри и направляется к газоматрице, точно ядро из гаубицы.

Не успела еще И.В. осознать увиденное, как за спиной у нее начинают вопить хачики. Крики не рассерженные, но и не испуганные. Ни у кого еще не было времени испугаться. Это крики людей, на которых только что выплеснули ведро ледяной воды.

Хачики еще открывают рты, И.В. даже еще не повернула головы на них посмотреть, а из собачьей дверцы вырывается еще одна вспышка света. И.В., непроизвольно проследившей за ней взглядом, кажется, будто она что-то увидела: длинную округлую тень на фоне света из закрывающейся дверцы. Но видение исчезло; глянув в ту сторону, И.В. и в этот раз не видит ничего, кроме качающейся дверцы. Вот и все... нет, еще одно: длинный хвост искр всего за секунду протанцевал по газоматрице от собачьей дверцы до хачиков и обратно, словно сигнальная ракета пролетела.

Говорят, Крысопес бежит на четырех ногах. Наверное, когти на ногах робота и высекли искры из газоматрицы.

Джиги задержались. Кое-кого просто повалило на решетку. Другие еще в процессе падения. Они разоружены, зато тянутся схватить правые руки левыми, еще орут, но теперь в их голоса закрался страх. У одного штаны разорваны от пояса до колена, и по стоянке за ним волочится лоскут ткани, словно карман ему вырвало нечто, что в спешке позабыло этот карман отпустить.

Но крови нигде нет. Крысопсы очень точны. И все равно таджики баюкают правые руки и орут. Может, и правда, что говорят: мол, Крысопес, когда хочет, чтобы ты бросил железку, гревает тебя током.

– Осторожно, – слышит она свой голос. – У них пушки.

Повернувшись, Хиро ей усмехается. Зубы у него очень белые и ровные, а ухмылка хитрая. Плотоядная такая ухмылка.

– Нет у них ничего. Пушки в «Гонконге» вне закона, забыла?

– Но секунду назад у них были пушки, – возражает И.В., выпучивая глаза и качая головой.

– Теперь они у Крысопса, – отвечает Хиро.

Таджики решили, что им пора убираться. И потому бегом возвращаются в свои такси и, визжа покрывками, отъезжают. И.В. выводит украденное такси с газоматрицы на улицу, где безжалостно жестоко припарковывает у обочины. Потом она возвращается на территорию франшизы «Гонконг».

га», а дымка «ароматизированной свежести» тянется за ней, точно хвост кометы. Как это ни странно, она думает о том, каково бы это было – ненадолго забраться на заднее сиденье такси с этим Хиро Протагонистом. Вероятно, очень неплохо. Но сперва придется вынуть дентату, а здесь совсем не место. Кроме того, любой мужик, у кого хватило порядочности, чтобы прийти за ней к «Тюряге», наверное, слишком совестлив, чтобы клюнуть на малолетку.

– Какой такт, какая забота! – говорит он, кивая на припаркованное такси. – И за шины ты ему тоже собираешься заплатить?

– Нет. А ты?

– У меня сейчас проблема с наличностью.

Они стоят посреди газонматрицы «Гонконга», настороженно рассматривая друг друга.

– Я позвонила моему парню. Но он меня кинул.

– Тоже трэшник?

– Он самый.

– Ты допустила ту же ошибку, что и я совершил однажды, – говорит он.

– А именно?

– Смешивать бизнес с удовольствием. Встречаться с коллегой. Очень все путает.

– Я подумываю, не стать ли нам партнерами, – говорит она.

И ждет, что он поднимет ее на смех. Но он только улыба-

ется и слегка наклоняет голову.

– Мне тоже это пришло в голову. Но мне надо подумать, как это осуществить.

Она поражена, что он действительно мог такое подумать. Потом одергивает себя: надо же быть такой размазней. Он ведь увиливает. А значит, скорее всего, лжет. В конечном итоге все, вероятно, кончится тем, что он попытается затащить ее в постель.

– Мне пора, – говорит она. – Домой надо.

Теперь посмотрим, как быстро он потеряет интерес к идее партнерства. Она поворачивается к нему спиной.

Внезапно их снова прищипливает светом автоматических прожекторов.

И.В. чувствует резкий, болезненный удар по ребрам, словно кто-то ударил ее кулаком. Но это не Хиро. Он, конечно, непредсказуемый псих с мечами, но драчунов она за милую душу.

– Ух! – вскрикивает она, отшатываясь от удара. И, опустив глаза, видит, как от дерна у их ног отпрыгивает небольшой тяжелый предмет. На улице визжит ободами древнее такси, поскорее убираясь отсюда. В заднем стекле маячит, грозя им кулаком, хачик. Должно быть, он бросил в нее камнем.

Только это не камень. Тяжелая штукавина у ног И.В., которая только что ударила ей по ребрам, – «лимонка». И.В. сразу ее узнает: всем известный символ внезапно стал реальным.

Потом что-то сбивает ее с ног – слишком быстро, чтобы причинить ей боль. Только она успевает прийти в себя, как с другого края стоянки раздается болезненно громкое «бум!».

И наконец все вокруг замедляется настолько, чтобы разобратся в происходящем.

Крысопес остановился. Такого они никогда не делают. Это часть их тайны: они движутся так быстро, что их невозможно увидеть. Никто не знает, как они выглядят.

Никто, кроме И.В. и Хиро.

Он гораздо больше, чем она себе представляла. Туловище как у ротвейлера и покрыто сегментами перекрывающих друг друга жестких пластин – точно чешуя, а ноги как у гепарда, длинные и подобранные, словно перед прыжком. Крысопсом это существо называют, наверное, из-за хвоста, поскольку невероятно длинный и гибкий хвост – единственное, что у него есть от крысы. Но выглядит он так, словно кожу с него съела кислота – сплошь сочленения сотен сегментов, – похоже на позвоночник скелета.

– Срань господня! – восклицает Хиро. И по этому замечанию И.В. понимает, что и он тоже Крысопса видит впервые.

В настоящий момент скелетный хвост свернулся кольцами на спине существа, точно упавшая с ветки веревка. Одни его части пытаются шевелиться, другие кажутся мертвыми и недвижимыми. Лапы тоже по очереди конвульсивно подергиваются, но, похоже, не способны двигаться слаженно. Все вместе производит тягостное впечатление, будто видеокад-

ры самолета, которому отстрелили хвост, но он все же пытается зайти на посадку. Даже не будучи инженером, можно понять, что произошла какая-то поломка.

Хвост извивается, приподнимается со спины Крысопса, чтобы не мешать лапам. А те все равно не слушаются. Крысопес не может встать.

– И.В., – звучит голос Хиро, – не надо.

А она не слушает. Осторожно-осторожно она все ближе подбирается к Крысопсу.

– Этот робот опасен, так, на случай, если ты чего-то не заметила, – говорит Хиро, следуя в нескольких шагах поодаль. – Говорят, у него есть биологические компоненты.

– Биологические компоненты?

– Части животного. Поэтому он может быть непредсказуемым.

И.В. любит животных. Она не останавливается.

Теперь она видит его лучше. Сплошь броня и механические мускулы. Многие части кажутся хрупкими и невещественными. Из туловища выступают какие-то штуки, похожие на обрубки крыльев, по большой из каждой лопатки и еще череда маленьких вдоль всего хребта, точно гребень стегозабра. Через «Рыцарское забрало» ей видно, что эти штуки такие горячие, что на них можно печь пиццу. По мере того как она приближаются, они словно бы растут и разворачиваются.

Они распускаются, как цветы в образовательном фильме:

чешуйки и складки расходятся, открывая сложную внутреннюю структуру. Каждый обрубок крыла распадается на миниатюрные копии себя самого, а те на еще более мелкие и еще более мелкие – и так до бесконечности. Самые маленькие – просто крохотные кусочки пленки, кажется, они просто пушок по краю более крупных.

Становится все жарче. Крохотные крылья уже покраснели от жара. Сдвинув гоглы на лоб, И.В. прикрывает с обеих сторон ладонями лицо, чтобы блокировать окружающие огни, и вот, ну конечно: она видит, как от крыльев исходит буроватое свечение – такое видишь иногда на спирали только что включенной электроплитки. Трава под Крысопсом начинает дымиться.

– Осторожно. Считается, что внутри у них тяжелые изотопы, – говорит у нее за спиной Хиро. Он подошел чуть ближе, но все еще держится поодаль.

– Что такое изотоп?

– Радиоактивное вещество, испускающее жар. Это источник энергии.

– Как его выключить?

– Никак. Оно испускает жар, пока не расплавится.

До Крысопса теперь остается всего пара футов, и лицо И.В. обдаёт жаром. Крылья развернулись насколько возможно. У основания они теперь ярко-оранжевые, но краснеют и коричневеют по хрупким краям, которые пока остаются темными. Едкий дым горящей травы затеняет часть деталей.

Она думает: что-то мне эти края напоминают. Они похожи на крохотные лопасти по краю кондиционера, те, на которых можно написать свое имя, просто проводя по ним пальцем.

Или как радиатор у машины. Вентилятор нагоняет воздух через радиатор, чтобы охлаждать мотор.

– У него есть радиаторы, – говорит И.В. – У Крысопса есть радиаторы для охлаждения.

Она собирает инфу прямо на ходу. Но Крысопес не остужается. Он становится все горячее. И.В. летает в потоках машин ради заработка. Подмять под себя эти потоки – вот экономическая ниша. И она знает, что, когда машина несется по пустой трассе, мотор не перегревается. Он перегревается, когда она застряла в пробке. Потому что когда она стоит на месте, через радиатор проходит слишком мало воздуха.

Вот что происходит сейчас с Крысопсом. Он должен двигаться, должен нагонять в радиатор воздух, иначе он перегреется и расплавится.

– Круто, – бормочет она. – Интересно, он взорвется?

Туловище заканчивается головой, а та – остроносой мордой. Вся голову закрывает купол из черного стекла, круто изогнутый, точно лобовое стекло штурмовика. Если у Крысопса есть глаза, то он должен смотреть через этот купол.

Ниже, на месте челюстей – остатки какого-то механизма, развороченного взрывом гранаты.

В затемненном лобовом стекле – или лицевой маске, за-

брале или как там это еще назвать – зияет дыра. Настолько большая, что И.В. могла бы просунуть в нее руку. За осколками стекла темно и почти ничего не видно, особенно если учесть, что И.В. стоит слишком близко к свечению от раскаленных радиаторов. Но она видит, что изнутри льется что-то красное. И это не «Дексрон II». Крысопес ранен, у него идет кровь.

– А он ведь живой, – говорит она. – По венам у него течет кровь.

И думает при этом: это инфа. Это инфа! На этом мы с моим партнером заработаем денег.

А потом она думает: это несчастное существо сжигает себя заживо.

– Не делай этого. Не трогай его, И.В., – говорит Хиро.

Подойдя еще ближе, она сдвигает вниз гоглы, чтобы защитить лицо от жара. Лапы Крысопса перестают конвульсивно подергиваться, словно он чего-то ждет.

Наклонившись, И.В. хватается Крысопса за передние лапы. Пес реагирует, напрягая поршнемускулы, противясь ее усилиям. Это все равно как взять собаку за передние лапы, заставляя ее танцевать на задних. Эта штука живая. Она на нее реагирует. И.В. знает.

Она поднимает глаза на Хиро, чтобы удостовериться, что он все снимает на цифровую камеру. Именно этим он и занят.

– Идиот! – бросает она. – Я первая делаю шаг, говорю, что

хочу быть твоим партнером, а ты отвечаешь, что подумаешь? Что с тобой? Я тебе не гожусь?

Откинувшись, она пятится, таща за собой Крысопса по газономатрице. Тот невероятно легкий. Неудивительно, что он так быстро бегаёт. И.В. могла бы взять его на руки, конечно, если бы согласилась сжечь себя заживо.

Пока она тащит тело пса к собачьей дверце, оно прожигает чёрный, дымящийся след в дерне. И.В. видит, как от ее комбинезона поднимается пар: из ткани выпариваются застарелый пот и все такое. Она достаточно худенькая, чтобы пролезть в собачью дверцу – ещё одно кое-что, что ей под силу, а Хиро нет. Обычно эти дверцы заперты, она уже пыталась одну такую открыть. Но эта должна быть открыта.

Внутри франшиза ярко освещена, стены белые, пол натерт роботами. В нескольких футах от собачьей дверцы что-то, похожее на чёрную стиральную машину. Это будка Крысопса, где это существо может отлеживаться в темноте, пока не подвернется работа. К франшизе будка подсоединена уходящим в стену чёрным кабелем. В настоящий момент дверца будки висит на петлях – такого тоже И.В. раньше никогда не видела. Из люка вырываются клубы пара.

Нет, не пара. Чего-то холодного. Такое бывает, когда в жаркий день откроешь морозилку.

И.В. заталкивает Крысопса в люк. Из стен бьют струйки холодной жидкости, превращаясь в пар ещё до того, как капли достигают туловища Крысопса, а пар вырывается из люка

с такой силой, что сбивает И.В. с ног.

Длинный хвост свисает из люка, тянется через коридор, теряясь где-то за собачьей дверцей. И.В. поднимает одно кольцо, и острые края позвонков насквозь протыкают ее рукавицу.

Внезапно хвост напрягается, оживает, секунду вибрирует. И.В. отдергивает руку. С хлопком натянутой и отпущенной резинки хвост втягивается в будку. И.В. даже не уследила за его движением. Потом с лязгом закрывается сам люк. В дверях зала появляется, гудя, хозяйственный робот-уборщик, чтобы подтереть с пола кровавый след.

Над головой у И.В. на стене, обращенный ко входу, постер в обрамлении вялых гирлянд жасмина. С постера энергично улыбается мистер Ли, а ниже обычное заявление:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

С особой радостью приветствую представителей всех классов и возрастов, пожелавших посетить «Гонконг». Прибыли ли вы с серьезным деловым визитом или погудеть на разудалой вечеринке, будьте как дома в нашем скромном жилище. Если хотя бы один аспект покажется вам не совершенно гармоничным, я буду благодарен, если вы сообщите мне об этом, и стану стремиться сделать все для вашего удовлетворения.

Мы в «Великом Гонконге» весьма гордимся бурным ростом населения нашей крохотной страны. Те, кто видел в нашем острове малую кроху

удовольствий Красного Китая, пораженно били себя по щекам, наблюдая, как многие так называемые сверхдержавы минувших лет содрогаются в смятении перед нашей семимильной поступью, этим воплощением высокотехнологичных личных достижений и совершенствования всего человечества. Огромен потенциал для слияния всех этнических рас и антропологии под единым знаменем Трех Принципов:

1. Информация, информация, информация!
2. Абсолютно свободная экономика!
3. Жесткие экологические программы!

Эти принципы пока еще не знали равных в истории экономической борьбы.

Кто посчитает ниже своего достоинства встать под это развевающееся знамя? Если вы еще не получили гражданства «Гонконга», подайте на паспорт сейчас! В этом месяце обычная такса 100 долларов ГК существенно снижена. Заполните купон (ниже) сейчас. Если купон отсутствует, наберите 1–800-ГОНКОНГ немедленно, чтобы подать прошение с помощью наших опытных операторов.

«Великий Гонконг мистера Ли» – частное, блюдущее экстерриториальность, суверенное, квазинациональное государство, не признанное иными национальными государствами и никоим образом не входящее в состав бывшей британской колонии Гонконг, ныне

присоединенной к Китайской Народной Республике. Китайская Народная Республика не признает и не несет никакой ответственности за мистера Ли, правительство «Великого Гонконга» или его граждан, равно как за нарушение местных законов, личные травмы или ущерб собственности, имевшие место на территории, в зданиях, муниципальных учреждениях, государственных институтах, или недвижимости, принадлежащей или занимаемой «Великим Гонконгом мистера Ли».

Присоединяйтесь к нам немедленно!

Ваш предприимчивый партнер Мистер Ли.

Вернувшись в прохладный домик, Полуавтономный Охранный Модуль номер А-367 скулит.

Снаружи во дворе очень жарко, и ему было очень плохо. Всякий раз, когда он выбегает во двор, ему становится очень жарко, поэтому надо быстро бежать. Когда он поранился и ему пришлось лежать долго-долго, ему было так жарко, как еще никогда не бывало.

А теперь ему больше не жарко. Но все еще больно. Он скулит больным воем. Он говорит всем соседским собакам, что ему нужна помощь. А они расстраиваются и печалются и, повторяя его вой, передают его всем собакам в стае.

Вскоре он слышит приближение машины ветеринара. Скоро придет добрый доктор и ему поможет.

Он начинает лаять снова. Он рассказывает всем осталь-

ным собакам, как пришли плохие чужаки и сделали ему больно. И как ему было жарко во дворе, когда от боли пришлось прилечь. И как добрая девочка помогла ему и отнесла назад в холодный домик.

И.В. замечает, что прямо перед франшизой «Великого Гонконга мистера Ли» стоит черный лимузин, довольно давно, по всей видимости, стоит. Ей не нужно видеть номерные знаки, она и так знает, что это мафия. На таких машинах ездит только мафия. Стекла затемнены, но она знает, что кто-то в машине за ней наблюдает. Как они это делают? Такие черные лимузины встречаешь повсюду, но никогда не видишь, чтобы они куда-то ехали. Она даже не уверена, есть ли в них вообще моторы.

– Ладно. Извини, – говорит Хиро. – У меня свое дело, но я предлагаю тебе партнерство на любую инфу, какую ты сможешь раскопать. Пятьдесят на пятьдесят.

– Идет, – отвечает она, вставая на доску.

– Звони в любое время. Моя визитка у тебя есть.

– Да, кстати. На визитке у тебя сказано, ты занимаешься тремя «М».

– Да. Музыка, мюзиклы и микрокод.

– Слышал о Виталии Чернобыле и «Ядерных расплавках»?

– Нет. Это группа?

– Ага. Самая крутая, какая есть. Проверь их, партнер, это может оказаться следующим хитом.

Выкатив на трассу, она запускает «Ауди» с номерными знаками «Цветущих Веток». Эта тачка довезет ее домой. Мама, наверное, уже в постели, делает вид, что спит, и волнуется.

За полквартала до «Цветущих Веток» она отпускает «Ауди» и скатывается на стоянку «Макдоналдса». Там она идет в женский туалет, у которого – какая удача – подвесной потолок. Встав на унитаз, она, слегка приподняв, отодвигает одну потолочную панель. Из отверстия вываливается батистовый рукав с изящным растительным орнаментом по манжете. Потянув за рукав, она стаскивает весь туалет: блузку, плиссированную юбку, белье из «Викис», кожаные туфли, ожерелье, серьги и эту чертову сумочку. Сняв и свернув комбинезон «РадиКС», она заталкивает его в потолок и возвращает на место панель. Потом одевается.

Теперь она выглядит в точности так, как за завтраком с мамой сегодня утром.

Доску она по дороге в «Цветущие Ветки» несет в руках, по здешним законам носить скейтборды можно, но опускать их на тротуар запрещено. Предъявив паспорт на КПП, она проходит четверть мили по новенькому тротуару к дому, на веранде которого горит свет.

Мама И. В., как обычно, сидит у себя в кабинете перед компьютером. Мама И. В. работает на федералов. Такие люди много денег не зарабатывают, но постоянно должны доказывать свою преданность, а потому трудятся за полночь.

И.В. заглядывает к маме, которая съехала по спинке кресла, закрыла лицо руками, будто делает себе массаж, а босые в дешевых колготках ноги закинула на стол. Мама И. В. носит кошмарные дешевые колготки федералов, которые на теле все равно что наждачная бумага, а когда при ходьбе ляжки под юбкой соприкасаются, издают скрежет и скрип.

На столе возле мамы большой герметичный мешок на молнии, он сейчас полон воды, которая еще несколько часов назад была льдом. И.В. смотрит на левую руку мамы. Та закатала рукав, открыв свежий синяк чуть выше локтя, оставленный манжетой тонометра. Ежедневный тест на детекторе лжи.

– Это ты? – кричит мама, не сознавая, что И.В. у нее в комнате.

И.В. отступает на кухню, чтобы не застать маму врасплох.

– Да, мам, – кричит она в ответ. – Как прошел день?

– Устала, – говорит мама.

Она всегда так говорит.

Достав из холодильника пиво, И.В. напускает себе горячую ванну. Звук воды, ударяющейся о дно ванны, действует на нее успокаивающе, как генератор статики на тумбочке возле маминой кровати.

Обрубки японского бизнесмена так и лежат пока на полу «Черного Солнца». Как это ни удивительно – ведь пока неотрадиционалист был цел, он казался таким реальным, – в новом сечении, которое проделал в его теле меч Хиро, не видно ни мяса, ни крови, ни внутренних органов. Бизнесмен – всего лишь пустая оболочка эпидермиса, невероятно сложная надувная кукла. Но воздух из нее не вырывается, и тело не падает, поэтому, заглянув в сруб, увидите черную кожу изнанки.

Это разрушает метафору. Аватар ведет себя не так, как реальное тело. Всем завсегдатаям «Черного Солнца» это напоминает о том, что они живут в вымышленном мире. А люди крайне не любят, чтобы им об этом напоминали.

Когда Хиро писал для «Черного Солнца» алгоритм боя на мечах, код, позднее принятый всей Метавселенной, то обнаружил, что нет никакого приятного способа избавиться от останков. Аватарам не полагается умирать. Аватарам не полагается распадаться на куски. Создателям Метавселенной не хватило черного юмора, чтобы предусмотреть такую возможность. Но весь смысл боя на мечах в том, чтобы зарубить противника. Поэтому Хиро пришлось наспех что-то изобрести, чтобы со временем Метавселенную не заполнили дезактивированные расчлененные аватары, которые по природе

своей не способны разлагаться.

Поэтому, как только кто-то проигрывает бой на мечах, его компьютер отключают от глобальной сети, каковой является Метавселенная. Его просто выбрасывает из системы. Это единственная симуляция смерти, имеющаяся в Метавселенной, и пользователю это не причиняет никакого вреда, кроме большой досады.

Более того, пользователь обнаруживает, что еще несколько минут он не может вернуться в Метавселенную. Не может снова войти. И все потому, что его расчлененный аватар еще не покинул этот вымышленный мир, а есть правило, согласно которому ваш аватар не может находиться в двух местах одновременно.

Об удалении порубленных аватаров заботятся демоны-могильщики – еще один аттракцион Метавселенной, который пришлось изобрести Хиро. Это маленькие подвижные человечки, одетые во все черное, как ниндзя – даже глаз не видно. Они двигаются почти беззвучно и дело свое знают. Не успевает еще Хиро отступить от порубленного тела бывшего противника, как они возникают из невидимых люков в полу «Черного Солнца», вылезают из подземного мира и сбегаются к павшему бизнесмену. В какие-то несколько секунд они запихивают отдельные куски в черные мешки, с которыми снова исчезают через люки в туннели, скрытые под полом «Черного Солнца». Пара любопытных завсегдатаев пытается последовать за ними, открыть люки, но пальцам их аватаров

не за что уцепиться – везде гладкая матовая чернота. Система туннелей доступна только для демонов-могильщиков.

И – какое странное совпадение – для Хиро. Но он редко ею пользуется.

Демоны-могильщики отнесут аватара на Погребальный костер, вечный подземный огонь под центром «Черного Солнца», где и сожгут. Как только пламя поглотит аватар, он исчезнет из Метавселенной, и тогда его владелец сможет, как обычно, войти в систему, создав себе новую. Но, будем надеяться, в следующий раз он будет более осторожен и вежлив.

Хиро оглядывает круг аплодирующих, свистящих и кричащих «браво» аватаров и замечает, что они тускнеют. Все «Черное Солнце» выглядит так, словно его спроецировали на кисею. За кисеей сияют яркие огни прожектора, подавляя изображение. Потом оно исчезает совершенно.

Стянув гоглы, он видит, что стоит посреди автостоянки при «Мегакладовке» с обнаженной катаной в руках.

Солнце только что село. Вокруг него на значительном расстоянии маячит пара дюжин человек, укрываются за припаркованными машинами в ожидании его следующего движения. Большинство порядком перепугано, но несколько явно возбуждено.

На пороге их жилого блока стоит Виталий Чернобыль. Подсвеченный сзади хайер у него поставлен с помощью яичных белков и прочих протеинов. Эти вещества, отражая свет, отбрасывают крохотные спектральные фрагменты

– этакое скопление разбомбленных радуг. В настоящий момент компьютер Хиро проецирует миниатюрное изображение «Черного Солнца» на задницу Виталия. Виталий нетвердо переминается с ноги на ногу, словно стоять на двух ногах в такое время суток – слишком сложная задача и он еще не решил, какой ногой воспользоваться.

– Ты меня блокируешь, – говорит Хиро.

– Пора ехать, – отзывается Виталий.

– Это ты мне говоришь – пора ехать? Я уже час жду, когда ты проснешься.

Когда Хиро подходит ближе, Виталий с опаской смотрит на его меч. Глаза у Виталия сухие и красные, а на нижней губе красуется твердый шанкр размером с мандарин.

– Победил в своем бою на мечах?

– Разумеется, черт побери, победил, – отрезает Хиро. – Я лучший мечник в мире.

– И ты написал алгоритмы.

– Ага, – отвечает Хиро. – И это тоже.

Прибыв в Лонг-Бич на угнанном беженцами бывшем советском грузовом корабле, Виталий Чернобыль и его «Ядерные расплавцы» рассеялись по Южной Калифорнии в поисках железобетонных равнин, похожих на те, что оставили в родном Киеве. Тоска по родине их не томила. Такая среда требовалась им для искусства.

Долина реки Л.А. оказалась просто подарком природы. И тут было полно отличных эстакад. Достаточно было просто

последовать за скейтерами в давно уже обнаруженные ими тайные места. Трэшники и гранж-группы в таких местах тоже процветают. Туда-то и направляются сейчас Виталий и Хиро.

Едут они в по-настоящему дряхлом минивэне «фольксваген» странной модели: верх у этого минивэна откидывается, позволяя превратить его в импровизированный трейлер. До знакомства с Хиро Протагонистом Виталий в нем и жил, обретаясь на улицах или в различных «Вздремни и Ка-ти». Теперь вопрос, кому принадлежит минивэн, давно уже стал предметом сомнительных дискуссий, потому что Виталий должен Хиро больше, чем стоит колымага. Поэтому они пользуются ею сообща.

Стоянку «Мегакладовки» они проезжают, нажимая на педаль и мигая фарами, чтобы разогнать от погрузочного блока сотни ребятишек. Здесь вам не песочница, дети.

Они пробираются по широкому коридору, извиняясь на каждом шагу, когда переступают через крохотные майянские бивуаки, буддистские часовни и белый мусор, отъехавший на «Вертиго», «Яблочном Пироге», «Пухогуде», «Нартексе», «Горчице» и прочем. Пол неплохо бы подмести: кругом использованные шприцы, пузырьки из-под крэка, закопченные ложки, мундштуки. А также множество маленьких трубочек из прозрачного пластика размером с большой палец и с красной крышечкой на конце. С виду они похожи на пузырьки из-под крэка, но крышечки на месте, а крэкого-

ловые не настолько воспитаны, чтобы навернуть крышку на пустой пузырек. Скорее это что-то новое, о чем Хиро еще не слышал – макдоналдсовая бургер-коробка под наркотики.

Через пожарный выход они попадают в другой отсек «Мегакладовки», который в точности похож на предыдущий (в Америке все выглядит одинаково, теперь уже нет переходов). Виталию принадлежит третья камера справа, крохотный блок 5'10, который он действительно использует по прямому назначению: для хранения.

Подойдя к двери, Виталий пытается вспомнить комбинацию замка, что включает в себя некоторое число случайных догадок. Наконец замок, щелкнув, открывается. Отодвинув засов, Виталий распахивает дверь, очищая полукруг в наркотическом чистилище. Почти весь блок занимают две большие четырехколесные тележки, на которые с горкой навалены колонки и усилители.

Хиро и Виталий выкатывают тележки к погрузочному блоку, заталкивают все в минивэн, а пустые тележки возвращают в 5'10. Формально тележки – общественная собственность, но никто в это не верит.

До места концерта им ехать долго, и еще дольше потому, что Виталий, отрицая техноцентрическую точку зрения Л.А., дескать, «Скорость – наш бог», предпочитает оставаться на поверхности и тащиться, не превышая тридцати миль в час. Движение тоже оставляет желать лучшего. Поэтому Хиро включает компьютер в прикуриватель и, надев гоглы,

удаляется в Метавселенную.

Оптоволоконный кабель больше не подсоединяет его к сети, поэтому единственная доступная ему связь с внешним миром осуществляется посредством радиоволн, которые намного медленнее и далеко не столь надежны. Отправляться в «Черное Солнце» теперь непрактично: звук и изображение будут ужасающими, и остальные завсегдатаи станут пялиться на него, словно он какой-то там черно-белый. А вот пойти в офис нет проблем, потому что его дом генерируется внутри его собственного компа, который в настоящий момент лежит у него на коленях. Для этого ему сообщение с внешним миром не нужно.

Он материализуется в офисе, в небольшом симпатичном домике в старом районе хакеров у самого Стрита. Домик выдержан в японском стиле. Пол застелен татами. Письменным столом служит огромная плита грубо опиленного красного дерева. Сквозь стены из рисовой бумаги сеется размытый серебристый свет. Передняя панель скользит в сторону, открывая сад с бормочущим ручейком и железноголовой форелью, которая время от времени выпрыгивает из воды, ловя мошек. Формально пруду полагается быть полным карпов, но Хиро в достаточной мере американец, чтобы считать карпа несъедобным ископаемым, которое лежит на дне и питается нечистотами.

Но в офисе появилось и нечто новое: перед Хиро на расстоянии вытянутой руки висит шар размером с грейпфрут,

совершенное во всех подробностях изображение планеты Земля. Эта программа ЦРК так и называется – «Земля». Это разработанный ЦРК пользовательский интерфейс для отслеживания всей имеющейся информации, какой владеет Центральная разведывательная корпорация: все географические карты планеты, сводки погоды, архитектурные планы и данные спутникового наблюдения.

Хиро думал, что через пару лет, если он действительно добьется успеха в информационном бизнесе, то, возможно, наскребет достаточно денег, чтобы подписаться на «Землю» и заполучить такую штуку в свой офис. А теперь она вдруг тут, и совершенно бесплатно. Единственное объяснение, которое приходит ему в голову: подарок Хуаниты.

Но сначала главное. Карточка «Вавилон/Инфокалипсис» все еще в кармане кимоно аватара. Он ее вынимает.

Скользит в сторону одна из панелей рисовой бумаги, составляющих стены офиса. За ней перед Хиро открывается просторная, тускло освещенная комната, которой раньше там не было; по всей видимости, Хуанита, побывав здесь, возвела основательную пристройку к его дому. В офис входит мужчина.

Демон-Библиотекарь имеет облик приятного голубоглазого бородача лет пятидесяти с серебристыми волосами. Одет он в свитер поверх рабочей рубашки, грубый узел на непритязательном шерстяном галстуке распушен, рукава закатаны. Пусть он всего лишь программа, у него есть осно-

вание выглядеть веселым: он может передвигаться по почти бесконечным штабелям информации в библиотеке с ловкостью паука, танцующего в бескрайней паутине перекрестных ссылок. «Библиотекарь» – единственная программа ЦРК, которая стоит еще дороже, чем «Земля»; думать – единственное, на что он не способен.

– Здравствуйте, сэр, – говорит Библиотекарь. Он деятелен и услужлив, но не тягостно бодр. Сцепив руки за спиной, он слегка подается вперед на пятках и выжидательно поднимает брови над очками для чтения.

– Вавилон – это ведь древний город где-то в Малой Азии, так?

– Это был легендарный город, – отвечает Библиотекарь. – Вавилон – библейский термин для обозначения государства Вавилония. Слово «Вавилон» семитского происхождения, и на латыни читается как «Babel». «Bab» означает врата, а «el» – «Бог», поэтому «Babel» означает «врата Бога». Но, вероятно, само слово в некотором роде оноματοпоэтично и передразнивает человека, говорящего на непонятном языке. Библия полна каламбуров.

– Там построили башню до небес, и Бог ее обрушил.

– Пример из антологии типичных заблуждений. Самой башне Бог ничего не сделал. «И сказал Господь: вот один народ, и один язык у всех; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда их рассеял Господь по всей земле». Бытие, одиннадцать, шесть тире девять.

– Значит, башня не была обрушена. Ее просто перестали строить.

– Верно. Она не была обрушена.

– Но это же мошенничество.

– Мошенничество?

– Доказанная подделка. Хуанита полагает, что в Библии нет ничего, что можно было бы доказать как истину или как ложь. Потому что если это доказано как ложь, то вся Библия – ложь, а если доказуема истина, то это доказывает существование Бога и тем самым не оставляет места вере. Вавилонская история доказана как ложь, потому что если построили башню до небес и Бог ее не обрушил, то она должна где-то стоять, во всяком случае, должны найтись ее руины.

– Предполагая, что башня была очень высокой, вы опираетесь на устаревшее прочтение. Буквально о башне сказано: «ее вершина с небесами». На протяжении столетий это описание истолковывали, подразумевая, что вершина ее была настолько высока, что упиралась в небеса. Но приблизительно сто лет назад обнаружены реальные вавилонские зиккураты, на вершины которых были нанесены астрологические диаграммы – иными словами, небеса.

– М-да. Ладно, значит, на самом деле построили башню

с астрологическими диаграммами на верхушке. Это более правдоподобно, чем башня высотой до неба.

– Много больше, чем правдоподобно, – напоминает ему Библиотекарь. – Такие постройки действительно были найдены.

– Ладно-ладно. Ты говорил, когда Господь разгневался и на них напал, сама башня не пострадала. Но строительство пришлось прекратить в результате информационной катастрофы: рабочие перестали понимать друг друга.

– «Катастрофа» – слово греческого происхождения, на латыни disaster. Астрологический термин disaster означает «несчастливая звезда», – указывает Библиотекарь. – Прошу прощения, вследствие внутренней структуры я склонен к отступлениям.

– Да ладно, все в порядке, – говорит Хиро. – Ты, в общем, вполне приличная программка. Кстати, кто тебя написал?

– По большей части я сам себя пишу, – отвечает Библиотекарь. – Иными словами, мне присуща способность учиться на опыте. Но эту способность в меня заложил мой создатель.

– Кто тебя написал? Может, я его знаю? – говорит Хиро. – Я знаком со многими хакерами.

– Меня написал не профессиональный хакер как таковой, а исследователь из Библиотеки Конгресса, который самоучкой освоил компьютерный код. Он пытался разрешить общую проблему просеивания огромного количества малозначимых деталей для нахождения важных крупиц информа-

ции. Его звали доктор Эммануэль Лагос.

– Это имя я уже слышал, – говорит Хиро. – Выходит, он был кем-то вроде метабиблиотекаря. Забавно, а я-то решил, что он цэркашный агент-невидимка.

– Он никогда не работал на ЦРК.

– Ладно. За работу. Собери в библиотеке всю бесплатную информацию на Л. Боба Райфа и рассортируй по дате. Упор на слово «бесплатный».

– Телевидение и газеты. Да, сэр. Минуту, сэр, – говорит Библиотекарь и, повернувшись, удаляется на войлочных подошвах. Хиро поворачивается к «Земле».

Уровень деталей фантастический. Разрешение, четкость, сам вид программы говорит Хиро или любому, кто разбирается в компьютерах, что эта программа – серьезная штука.

Она охватывает не просто континенты и океаны. Это общий вид Земли, увиденной с геосинхронной орбиты прямо над Л.А., включая погодные системы: огромные вихревые скопления облаков, зависшие над самой поверхностью шара, отбрасывают тень на океаны, и полярные ледники дробятся и обваливаются в море. Одна половина шара освещена солнечным светом, другая темная. Терминатор, граница между днем и ночью, как раз прошел над Л.А., а теперь ползет на запад по Тихому океану.

Все происходит будто в замедленной съемке. Если смотреть достаточно пристально, облака меняют облик прямо на глазах. На Восточном побережье ночь, похоже, ясная.

Внимание Хиро привлекает какая-то точка, быстро движущаяся по поверхности шара. Сперва он решает, что это москит. Но откуда в Метавселенной москиты? Он присматривается внимательнее. С помощью маломощных лазеров компьютер улавливает смену напряжения роговиц, и, охнув от удивления, Хиро обнаруживает, что словно бы падает на шар, как идущий в космосе астронавт, только что вырвавшийся из своей орбитальной рутины. Когда Хиро наконец справляется с падением, то оказывается в нескольких сотнях миль над поверхностью: смотрит на плотную грядку облаков, а также различает скользящего под ним москита. Это низкоскоростной спутник ЦРК, курсирующий с севера на юг по полярной орбите.

– Ваша информация, сэр, – раздается голос Библиотекаря. Вздвогнув, Хиро поднимает взгляд. Земля уходит вниз, из поля его зрения, а перед столом возникает Библиотекарь, протягивающий ему гиперкарточку. Как любой библиотекарь в Реальности, демон способен двигаться так, чтобы не было слышно шагов.

– Ты не мог бы чуть больше шуметь при ходьбе? Ты меня только что напугал.

– Сделано, сэр. Примите мои извинения.

Хиро протягивает руку за гиперкарточкой. Сделав шаг вперед, Библиотекарь наклоняется к нему. На сей раз его нога производит на татами мягкий шорох, и Хиро слышит статический шум скользящей по ноге штанины.

Хиро берет гиперкарточку, на которой значится:

Результаты поиска в библиотеке по предмету

Райф, Лоренс Роберт, 1948 – ...

Он переворачивает карточку.оборот поделен на несколько дюжин небольших иконок. Кое-какие из них – микрофиши первых полос газет. Многие – цветные светящиеся квадратики: миниатюрные телеэкраны, на которых идет прямой репортаж.

– Невероятно, – говорит Хиро. – Я ведь сижу в «фольксвагене», да? Я подключился по сотовой связи. Ты не мог так быстро перетащить в мою систему такой объем.

– Нет необходимости что-либо перемещать, – отвечает Библиотекарь. – Вся существующая видеоинформация на Л. Боба Райфа была собрана доктором Лагосом и помещена в папку «Вавилон/Инфокалипсис», которая уже загружена в память вашего компьютера.

– А-а.

Хиро пристально смотрит в миниатюрный телевизор в верхнем левом углу карточки. Экран, увеличиваясь, приближается, пока не превращается в висящий на расстоянии вытянутой руки двенадцатидюймовый монитор с низкой четкостью изображения. Потом запускается видео. Это довольно скверная видеосъемка на восьмимиллиметровую камеру: школьный футбольный матч в шестидесятые. Саундтрек отсутствует.

– Что это за матч?

– Одесса, Техас, 1965 год, – говорит Библиотекарь. – Л. Боб Райф – защитник под восьмым номером, в темной форме.

– Это лишние подробности. Можешь изложить вкратце?

– Нет. Но могу коротко перечислить содержание. В данной папке одиннадцать школьных футбольных матчей. В выпускном классе Райф был запасным в сборной штата Техас. Потом он поступил в Райс, поэтому также имеются восемнадцать пленок с записями матчей колледжа. Райф специализировался на коммуникационных технологиях.

– Что ж, логично, если вспомнить, кем он стал.

– Он стал телерепортером раздела спорта в Хьюстоне, поэтому имеется пятьдесят часов записей, относящихся к этому периоду, разумеется, по большей части исходящие. Через

два года работы на этом поприще Райф занялся бизнесом в деле своего двоюродного деда, финансиста, имеющего долю в нефтяной индустрии. Папка содержит несколько газетных статей на эту тему, которые, как я заметил при прочтении, все текстуально взаимосвязаны, что наводит на мысль об общем источнике.

- Пресс-релизы.

- Затем никаких упоминаний на протяжении пяти лет.

- Он что-то задумал.

- Потом статьи появляются снова, в основном в религиозных разделах хьюстонских газет, подробно описывающие пожертвования Райфа различным организациям.

- На мой взгляд, отличное резюме. Я думал, ты этого не умеешь.

- На самом деле не умею. Я цитирую краткое изложение, которое недавно в моем присутствии доктор Лагос составил для Хуаниты Маркес, когда они запрашивали те же данные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.